

ЭРИХ ЛЮДЕНДОРФ

Тотальная война

Выход
из позиционного
тупика

Эрих Людендорф

**Тотальная война. Выход
из позиционного тупика**

«Яуза»

1935

УДК 94(100)"1914/18"
ББК 63.3(0)5

Людендорф Э.

Тотальная война. Выход из позиционного тупика /
Э. Людендорф — «Яуза», 1935

ISBN 978-5-9955-1158-8

Именно заместитель начальника генштаба кайзеровской армии нашел выход из позиционного тупика – «мясорубки», перемалывавшей солдат, и спланировал самое успешное наступление Первой мировой. В этой книге впервые собраны как теоретические мысли Эриха Людендорфа (1865–1937), так и его знаменитые воспоминания. В них он беспристрастно разбирает все сражения Великой войны, в которых участвовал и которые планировал. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(100)"1914/18"
ББК 63.3(0)5

ISBN 978-5-9955-1158-8

© Людендорф Э., 1935
© Яуза, 1935

Содержание

Мой образ мыслей и действий	6
I	6
II	7
III	11
IV	14
V	15
VI	19
Льеж	22
I	22
II	24
III	26
IV	28
V	31
Танненберг	33
I	33
II	36
III	39
IV	43
V	46
VI	50
Осенняя кампания 1914 года в Польше	52
I	52
II	56
III	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эрих Людендорф
Тотальная война

Выход из позиционного тупика

© ООО «Яуза-пресс», 2023

* * *

ИСКУССТВО ВОЙНЫ

ВОЕННАЯ
МУДРОСТЬ

Мой образ мыслей и действий

I

Внезапное нападение на Льеж открыло ряд германских побед. Дело было смело задумано и дерзко выполнено.

Огромный результат осенней кампании на Восточном фронте 1914 и 1915 годов, а также летней 1916 года превзошли все подвиги в истории всех времен. Они поставили величайшие требования как к вождям, так и к войскам. Русские войска были намного сильнее, чем сражавшиеся против них германские и австро-венгерские армии.

Война, которую с 29 августа 1916 года, со дня нашего вступления в высшее командование, пришлось вести генерал-фельдмаршалу фон Гинденбургу и мне, принадлежит к самым трудным во всей мировой истории. Более ужасной и более потрясающей еще никогда не видел земной шар. Германия, со слабыми союзниками, должна была бороться против подавляющих сил всего мира. Надо было принимать невероятно тяжелые решения. Они вытекали с принудительной последовательностью из общей обстановки, из нашего понимания войны и из сущности этой войны.

Армии и флоты боролись друг с другом, как и раньше, но боевые силы и военные средства сильно увеличились. Народы же иначе относились к этой войне, чем к предыдущим; они стояли сомкнутой массой позади своих боевых сил и подпирали их. Только Франция уже представляла подобную картину в 1870–1871 годах.

В этой войне уже нельзя было отличить, где начиналась мощь армии и флота и где кончалась мощь народа. И вооруженные силы, и народ составляли одно целое. Мир увидал войну народов в буквальном смысле этого слова. С этой объединенной мощью стояли друг против друга самые могущественные государства нашей планеты. К борьбе против неприятельских вооруженных сил на огромных фронтах и далеких морях присоединилась борьба с психологией и жизненными силами вражеских народов с целью их развалить и обессилить.

Вести войну и давать бои, имея численное превосходство, легко и связано с малым риском. Но ни генерал-фельдмаршал, ни я ни разу не попадали в такое положение в течение первых трех лет войны. Таким образом, нам не оставалось другого выхода, как вести войну, как это нам диктовали долг и наша совесть, и брать на свою ответственность то, что мы считали необходимым для достижения победы. Успех в то время был на нашей стороне.

В марте 1918 года мы перешли в наступление при столь выгодном соотношении сил, как это ни разу еще не представлялось в эту войну для Германии. Но этих сил оказалось достаточно только для больших побед, а не для быстрого общего решения. Германия стала ослабевать, в то время как противник усиливался.

II

Эта мировая война, война народов, предъявляла к нам, немцам, невероятные требования и давила нас всей своей тяжестью. Чтобы выиграть войну, каждый из нас в отдельности должен был отдать последнее. Мы должны были в прямом смысле слова бороться до последней капли крови и пота и притом сохранять бодрость и стремление к победе. Это тяжелое требование было обязательно, несмотря на нужду, которую создавал нам противник, несмотря на ломящуюся к нам неприятельскую пропаганду, которая была столь сильна, хотя внешне и оставалась незаметной.

Как дуб растет, пустив корни в германскую почву, так армия и флот питаются и поддерживаются своим отечеством. Они живут своей родиной и черпают из нее свои силы. Они являются потребителями, но не производителями и должны вести борьбу теми духовными, материальными и психологическими силами, которые дает им родина. Эти силы были нужны армии и флоту, чтобы победить, чтобы верно выполнить свой долг, чтобы самоотверженно жертвовать собою в ежедневной борьбе и в испытаниях войны. Они одни могли обеспечить Германии окончательный успех. Этими силами отечество вело титаническую борьбу со всем миром при помощи союзников и используя в соответствии с международным правом средства занятых областей.

Следовательно, родина должна была постоянно давать армии и флоту новую духовную упругость, людей, военное снаряжение и непрерывно их обновлять и возрождать.

Твердость духа и воля к войне должны были закрепляться на родине. Горе нам, если здесь произойдет ущерб. Чем дольше длилась война, тем грознее увеличивалась здесь опасность, и одновременно тем больше становилась потребность армии в духовной и нравственной поддержке.

Персональные и материальные силы отечества должны были быть до крайности напряжены и предоставлены для ведения войны.

Для родины это были весьма трудные задачи. Родина служила не только фундаментом, на котором покоились наши славные боевые силы и в котором нельзя было допустить ни малейшей трещины, но также источником, который должен был содержаться прозрачным и чистым и в то же время мощным, чтобы он мог укреплять нервы армии и флота и вновь возрождать их силы. Народ нуждался во внутренней устойчивости, она одна делала его способным продолжать долгое время отдавать свои силы армии и флоту. Народные и боевые силы так тесно внутренне переплелись между собой, что стали нераздельными. Боепособность частей на фронте была в тесной зависимости от боепособности народа внутри страны. На родине создались работа и жизнь для войны, едва ли имевшие когда-либо место в истории. Правительство и ответственный имперский канцлер должны были руководить этой жизнью и работой и содействовать их процветанию.

Рядом с этим вырастала вторая крупная задача ведения войны: борьба на внутреннем неприятельском фронте. Неужели Германия не должна была прибегнуть к этому могучему средству борьбы, действие которого она ежедневно испытывала на себе? Неужели не надо было подтачивать моральные устои неприятельских народов, как этого, к сожалению, так успешно достигал у нас противник? Эту борьбу надлежало вести, во-первых, из родины через нейтральные государства и, во-вторых, через линию фронта. Правда, германская пропаганда не располагала могущественным вспомогательным средством – продовольственной блокадой населения неприятельских государств.

Служа делу народа, правительству предстояло разрешить трудную задачу, чтобы счастливо окончить войну. Ни к одному германскому правительству не предъявлялось больших требований, чем те, которые появились, когда императору были предоставлены сплоченные

силы германской нации для победы на полях сражения и для борьбы против духа и настроения неприятельских народов. Работа и действия правительства приобрели решающее для войны значение. Никогда еще так не требовалось, чтобы правительство, рейхстаг и народ всецело отдались идее войны. Силы для ведения войны исходили из родины и изливались на неприятельском фронте.

Великая цель – прийти к заключению мира – могла быть достигнута только энергичным ведением войны. Таким образом, правительство, работая для войны, прокладывало одновременно пути к миру, непосредственное заключение которого являлось следующей великой задачей.

Вскоре после нашего вступления в верховное командование генерал-фельдмаршал и я выяснили положение и сообщили имперскому канцлеру наши воззрения на потребности как армии, так и флота и выяснили вытекающие из этого задачи для страны. Мы призывали его к совместной работе по войне и были полны надежд, несмотря на угрожающую серьезность положения.

Правительство приветствовало наше вступление в высшее командование. Мы с полным доверием пошли ему навстречу. Но вскоре два мировоззрения, представляющие взгляды правительства и наши, начали вести борьбу друг против друга. Это противоречие было для нас тяжелым разочарованием и невероятным бременем.

В Берлине не могли усвоить наших представлений о военной необходимости; там не было той железной воли, которая охватывала бы весь народ и сводила бы всю жизнь, все думы к одной мысли: война и победа. Великие демократии Антанты постигли этого. Твердая сила воли Гамбетты в 1870–1871 годах, Клемансо и Ллойд Джорджа в эту войну заставила их народы отдать свои силы для достижения победы. Эти целесообразные усилия Антанты и ее решимость уничтожить нас не были в полной своей остроте поняты нашим правительством. В этом нельзя сомневаться. Вместо того чтобы сосредоточить для войны все находящиеся в распоряжении силы и довести их до крайнего напряжения с целью достичь мира на поле сражения, что обуславливалось сущностью войны, в Берлине избрали другой путь. Все больше и больше говорили о примирении и соглашении; народ не получал сильного воинственного импульса. В Берлине предполагали или обольщались следующим: вражеские народы жадно прислушиваются к словам, сулящим примирение, и принудят свои правительства к заключению мира. Так мало знали в Берлине дух вражеских народов и их правительств, с их сильным национальным чувством и стальной волей. Берлин ничему не научился из истории прошлого. Чувствовалась только собственная слабость в оценке психологии противника, утрачивалась надежда на победу, и мы упирались в тупик. Стремление к миру превышало желание биться для победы. Но найти дорогу к миру, при наличии желания противника уничтожить нас, было невозможно. А время повести народ по трудной дороге победы было упущено.

Рейхстаг и народ в большей их части горячо желали идти по такому пути, но не будучи направлены на него, покатались вместе с правительством по наклонной плоскости. Существеннейшие вопросы войны все больше и больше отодвигались в сторону. Внутренняя политика и мысли о собственном «я» их заглушили. Так случилось, на несчастие отечества.

Возможно, что революция, которая теперь потрясает всю Европу, приведет к новому мировому устройству и создаст более чистые взгляды и чувства у народов на справедливость и примирение человечества. Однако условия перемирия и заключения мира противоречат таким взглядам. Во всяком случае, в то время, когда я был первым генерал-квартирмейстером, мир еще не изменился.

Верховное командование придерживалось той же точки зрения, которую высказал президент Вильсон в ноябре 1918 года, когда он проводил большую программу американского флота: он считал неблагоприятным, если бы Америка при составлении своей программы раз-

вития флота считалась с будущей мировой политикой, когда относительно этой мировой политики еще не последовало никакого решения.

В ноябре же 1918 года в том же смысле писал председатель солдатского комитета Четвертой армии:

«Возможно, что в некоторых головах революция конструируется из идеалов. Но кто стоял лицом к лицу с противником, должен признать, что мирозозерцание Антанты в данный момент еще проникнуто материализмом».

Теперь это ясно удивленному и обманутому в своих идеалах миру. Но одураченный германский народ расплачивается за этот обман своей жизнью.

Верховное командование руководствовалось концепцией, согласно которой пусть мир сначала переменится и тогда мы сможем сложить оружие и думать о соглашении. В противном случае можно было с уверенностью сказать наперед, что мы понесем ущерб. Пальма мира не является оружием против меча. Пока люди и, в частности, наши противники оставались таковыми, каким человечество было до сих пор, и для немцев, и во всяком случае для генерал-фельдмаршала, и для меня, как ответственных военных вождей, это означало крепко держать в руках меч и постоянно его вновь оттачивать.

Ввиду этого нашей серьезнейшей обязанностью по отношению к правительству было решительно добиваться удовлетворения требований, предъявляемых войной, которые мы считали необходимыми.

Во всех случаях верховное командование обращалось к властям, установленным конституцией. Война в каждый момент требовала от нас быстрых и масштабных решений, настойчивой решительности. Но в Берлине оставались в привычной колее. Ответы, даже по важнейшим вопросам, задерживались иногда по неделям. Необыкновенная волокита берлинских властей и непонимание ими требований войны обостряли тон сношений. Мы сожалели об этом. Но у нас был пожар в душе. Быстрота действий была необходима, так как надо было предотвратить непоправимое зло.

В мирное время голос правительства был решающим для всех властей. Министерство иностранных дел чувствовало себя стоящим выше всякой критики. Государственные правители с трудом могли привыкнуть к мысли, что с началом войны Высшее военное командование образовало новый центр, который не только разделял ответственность с государственным канцлером, но и выносил на себе невероятные трудности. Высшее командование тем решительнее должно было действовать, чем меньше решительности оно встречало в Берлине. Мне было бы очень приятно, если бы и правительство ясно осознало это из предшествующего периода. Положение генералов фон Мольтке и фон Фалькенгайна по отношению к правительству было, в сущности, таковым же, как положение генерал-фельдмаршала и мое. Правительство шло своей дорогой и не считалось с пожеланиями высшего командования, раз оно что-либо наметило выполнить. Но не исполнялось многое из того, на что указывалось как на неотложное и необходимое в интересах ведения войны.

В некоторые вопросы высшему командованию пришлось вмешиваться уже с самого начала войны. В ущерб ведению войны, исключительно самостоятельности военного ведомства были предоставлены широкие вопросы печати, цензуры, борьба с неприятельским шпионажем и саботажем внутри страны, а также обезвреживание сил, работавших во время войны с целью опрокинуть государственный порядок. Неясность в компетенции и недостаток личного состава тормозили инициативу соответственных учреждений. Глубокое чувство ответственности толкнуло генеральный штаб на творческую работу. Генеральный штаб был в состоянии раньше других учреждений покрыть недостаток в личном составе хорошо образованными офицерами запаса. Благодаря этому руководство перешло в руки генерального штаба. Осуществление же часто оставалось в руках гражданских властей. Граница, за которой компетенция отходила целиком к ответственным властям, была неясна. Трения были неизбежны. Этого бы не было,

если бы внутри страны было установлено ясное и решительное управление, о чем часто ходатайствовало верховное командование.

III

Когда я был первым генерал-квартирмейстером, на меня лично часто выпадала обязанность отстаивать перед правительством требования верховного командования.

О личностях и партиях в политике я не заботился. Те партии, которые все время твердили о соглашении, вместо того чтобы развивать в нации волю к войне, не шли навстречу предъявляемым высшим командованием требованиям. Правительство было с ними согласно. Таким образом, правительство и партии большинства были заодно и внутренне не признавали меня, с моими солдатскими мыслями и желаниями.

Ясно, что я находил больше сторонников в тех партиях, которые подобно мне считали, что при наличии воли противника уничтожить нас соглашение невозможно, и ввиду этого стояли за необходимое развитие энергии в ведении войны. Я никогда к ним не обращался, но они доверяли мне. Это было ориентирующееся вправо меньшинство. Благодаря этому другие партии признали меня «реакционером», хотя я думал только о ведении войны. Если бы соответствующие взгляды были представлены в демократических партиях, то я нашел бы сторонников и в их среде, и тогда, вероятно, правые объявили бы меня «демократом», что, между прочим, со стороны правых имело место довольно часто.

Но я ни «реакционер», ни «демократ». Я стою единственно за благосостояние, за культурное процветание и за национальную силу германского народа, за авторитет и порядок. На эти столбы опирается будущее отечества. Во время войны моей целью были крайняя энергия в ведении войны и обеспечение военных интересов и столь же важных экономических возможностей также и на период после войны.

Бездействие руководителей государства в некоторых вопросах создавало для меня нежелательное положение. Недоброжелатели, а иногда и слишком усердные друзья все более втягивали меня в партийные разногласия без малейшей с моей стороны к тому склонности, без каких-либо моих выступлений. Мои действия вырывались из общей последовательности и искажались. То, что я делал, то, что я говорил, приобретало неприсущее им освещение. Неясные, ни на чем не основанные утверждения получали дальнейшее распространение. Со своим солдатским, открытым мышлением я сначала ограничивался одним пожатием плечами: это было столь несущественно по сравнению с великой задачей, над которой я работал. Позднее я сожалел об этих явлениях, но не мог ничего изменить. Я неоднократно повторял печати просьбу – мною не заниматься. Я был к тому же слишком занят, чтобы самому занять определенное положение. Мне не хватало также «кафедры», с которой я мог бы высказываться. Кроме того, я ожидал от германского народа большего понимания жестокой действительности. Правительству же удобно было иметь громоотвод. Вместо того чтобы выступить в мою защиту, оно ничего не делало против начавшейся травли, выставляло меня диктатором, примешивало ко всему верховное командование и обостряло тем самым настроение по отношению ко мне. Это общая картина. Имперские канцлеры, доктор Михаэлис и граф фон Гертлинг, были далеки от такой политики, но тяжелое несчастье уже нагрянуло. При том положении, которое я занимал, это имело последствием беду для всей нации.

На верховное командование и, в частности, лично на меня возлагалась все большая ответственность за всякое зло. Так, например, со мной связали и всю неизбежную тяжесть, все несообразности германской продовольственной системы, на меня указывали как на ее инициатора и виновника. Но ни генерал-квартирмейстер, ни генерал-интендант, ни я не имели никакого отношения к заготовке продовольствия для страны. Оно всецело находилось в *руках* военного министерства и продовольственного управления, созданного на время войны.

После моего ухода социал-демократические вожди возлагали на меня ответственность за нарушение командующими корпусными округами права собраний.

Это уже находилось совершенно вне моей компетенции.

Вот, может быть, еще более характерный случай.

Зимой 1916/17 года на меня выпали заботы, вызванные расстройством транспорта и недостатком угля. Главная ошибка заключалась в том, что до моего вступления в верховное командование об этом недостаточно заботились. В феврале 1917 года я настоял на установлении должности комиссара по углю. К сожалению, сразу не нашлось подходящего лица. Лишь позднее последовало подходящее назначение. Летом 1917 года верховным командованием 50 000 углекопов было уволено с фронта. В зиму 1917/18 года с отоплением домов дело обстояло более удовлетворительно, чем в предыдущую. Верховное командование достигло этого решительными мерами, однако его не только не поблагодарили, но и не отнесли это улучшение на его счет, хотя верховное командование в нем, несомненно, было более повинно, чем в кризисе предыдущей зимы. Признание этой заслуги не отвечало ходу мышления тех, кто возбуждал против меня недовольство, а также лиц, которым была известна истина и которые тем не менее пассивно относились к кампании против меня.

При огромной ответственности, которая лежала на мне, я жаждал окончания военных действий; иначе это и быть не могло. Я часто высказывался в этом смысле. Однако нужно было достигнуть таких условий мира, которые обеспечивали бы жизненные интересы отечества. В противном случае война была бы проиграна. Я считал мир возможным только в том случае, если бы у противника мирные настроения также брали верх. Одностороннее подчеркивание нашей готовности к миру представлялось мне опасным.

У меня было убеждение, что если о мире говорить и жаждать его всем сердцем, то мира долго не удастся добиться. Пацифистская мысль о «соглашательском мире» у многих была оружием против нас же. Многие искренне думали, что стремление к нему свидетельствует о высоком идеализме, который до сих пор еще не нашел себе осуществления в этом мире борьбы. Но знали ли защитники такого мира, что и противник одного с ними мнения? А если нет, то не было ли ясно, что распространением идеи, что мир соглашения может быть заключен нами в любой момент, накликалось огромное несчастье: если брать людей таковыми, какие они есть, эта мысль решительно ослабляла волю к войне, которую надо было всемерно укреплять. Они заставляли наш народ жаждать мира, но не вызвали стремления к миру у противника. Они этим только воздвигали препятствия на пути к миру, так как Антанта оценивала наше положение и его использовала; они этим затрудняли также и стремление высшего командования склонить противника к миру теми средствами, которые одни ведут к нему на войне. Несмотря на весь свой идеализм, они виновны в несчастье отечества.

Неприятель держал себя так, что я не знаю ни одного момента, которым мы могли бы воспользоваться для заключения умеренного, справедливого и безобидного мира. Все, что по этому поводу распространялось устно и в печати, – неверно. Правительство ни разу не указало высшему командованию на возможность заключить мир.

Конечно, мы в любой момент могли бы заключить такой мир, какой нам пришлось заключить теперь. Но какой имперский канцлер, какой государственный человек, какой по-немецки мыслящий деятель остановил бы на нем свой выбор? Возможности другого мира не представлялось, это должны были твердо знать, и раз война уже началась, мы должны были бороться до победного конца.

Граф Чернин, хотя и утаивает правду, в конце концов сходитя со мной во взглядах. В своей речи 11 декабря 1918 года он сказал:

«Положение было все время таково, что мы могли бы предложить мир, связанный с крупными потерями, в особенно для нас выгодный момент войны, и тогда могли бы иметь, может быть, надежду, что противник на него пойдет. Но чем блестящее были военные успехи, тем требовательнее становились германские военные, и менее всего было возможно после крупной победы склонить их к политике отречения.

В общем, я полагаю, что за все течение этой войны момент, в который такая попытка действительно имела бы возможность успеха, представился только один раз, а именно после знаменитого сражения у Горлицы»¹.

Сражение у Горлицы было в мае 1915 года. Таким образом, позднее, по мнению графа Чернина, возможность заключить мир не представлялась даже при условии значительных жертв. Но если бы такая возможность представлялась действительно в мае 1915 года или позднее, не только все германские военные, но весь германский народ отклонил бы такой мир, пока он в гордой вере в себя чувствовал силы для борьбы! Государственные люди должны были бы закалять эту самоуверенность и эти силы, чтобы сделать отечество способным одержать победу и спасти его от поражения с его неизмеримыми потерями. Воля неприятеля не давала нам возможности выбора среднего пути; в таком случае наше желание или нежелание мира не играло никакой роли. Воля же противника еще не была сломлена; если бы этого удалось окончательно добиться военной победой, то тогда дипломаты могли бы говорить о безобидном мире, если бы они тогда этого еще продолжали желать.

---

¹ Прорыв фронта на Дунайце весной 1915 г. – *Примеч. ред.*

IV

Генерал-фельдмаршал и я проработали четыре года в полной гармонии, как будто бы были одним человеком. Я видел с глубоким внутренним удовлетворением, что он становится для германского народа идеальным *образом* этой войны и каждому отдельному немцу представляется олицетворением победы.

Генерал-фельдмаршал предоставлял мне разделять его славу. 2 октября 1917 года, на празднестве его 70-летия, он выразил это особенно глубоко прочувствованными словами.

Полководец несет ответственность. Он ответственен перед всем миром и, что еще тяжелее, перед самим собою, перед своею армией и отечеством. Как начальник штаба и первый генерал-квартирмейстер, я разделял с ним ответственность и отдавал себе в этом все время ясный отчет. Я отвечаю за все свои действия.

Наши стратегические и тактические взгляды совершенно сливались, и сама собою отсюда вытекала гармоническая, основанная на взаимном доверии работа. Выяснив вопросы с моими сотрудниками, я коротко и ясно докладывал генерал-фельдмаршалу мои мысли относительно обстановки и руководства всеми операциями, делая при этом вполне конкретные предложения. Я получал то удовлетворение, что генерал-фельдмаршал, начиная от Танненберга и до моего ухода в октябре 1918 года, всегда соглашался с моим мышлением и одобрял мои проекты приказов.

Мы одинаково смотрели на характер этой войны народов и на вытекавшие из него следствия. Одинаковы были и наши взгляды на заключение мира. Генерал-фельдмаршал, как и я, стремился обеспечить безопасность германского народа от новых нападений. Он, как и я, лично выступал по этим вопросам.

Те, кому авторитет генерала-фельдмаршала стоял и в будущем мог стоять поперек дороги к достижению эгоистических целей, пробовали провести грань между генерал-фельдмаршалом и мною. Его личность не решались затрагивать и обращали свои усилия против меня. Пытались установить различие между мышлением и действиями генерал-фельдмаршала и моими: он олицетворял доброе начало, я – злое. Те, кто это распространял, должны были бы, по крайней мере, заставлять генерал-фельдмаршала хотя бы разделять ответственность за это мнимое зло, иначе они подрывали его положение и делали из него человека, не обладающего теми высокими качествами, которые они у него предполагали и которые действительно были ему присущи.

Слава генерал-фельдмаршала крепко укоренилась в сердцах германского народа.

Я его глубоко почитал, верно ему служил и ценил его высокий образ мыслей, его преданность императору, его готовность брать на себя ответственность.

V

Моя жизнь была работой для отечества, для императора и для армии. В течение четырех лет военных действий я жил только для войны.

Мои дни текли размеренно. Пока я был начальником штаба на Востоке и непосредственно руководил войсками, все принаравливалось к требованиям военной обстановки.

Будучи первым генерал-квартирмейстером, в спокойные периоды около 8 часов утра я был уже на службе. Генерал-фельдмаршал приходил приблизительно часом позже, и мы коротко обменивались мыслями о военных событиях, о предположениях и о текущих вопросах.

В 12 часов мы шли на доклад к его императорскому величеству.

Ровно в час был завтрак, продолжавшийся от половины до трех четвертей часа. Около половины четвертого я был опять в своем кабинете. В восемь часов мы обедали, и затем, после полуторачасового перерыва, работа продолжалась до двенадцати или до часу ночи.

Это однообразие редко нарушалось. Даже в течение четырех или пяти дней, которые я находился в отпуске во время войны, я не был свободен от служебных дел.

Со всеми частями фронта и со ставками союзников я был соединен телефонами и телеграфами. Армии присылали утром и вечером срочные донесения, а об особых событиях доносили немедленно.

Начальник полевого телеграфа на Восточном фронте, полковник Леман, а позднее начальник полевого телеграфа всех армий генерал-майор Гессе помогали мне предусмотрительно и надежно. Телеграфные части штаба главнокомандующего Восточным фронтом под командой капитана Маркау и полевая телеграфная дирекция под управлением почтового советника Онезорге, обслуживавшие связь, работали прекрасно.

С одной стороны, было необходимо отдавать себе ясный отчет во всех событиях на огромных фронтах, а с другой стороны, надо было взять на себя огромное бремя – непосредственно чувствовать биение пульса боя. Высшее командование должно было немедленно узнавать о всех важных событиях; слишком часто, при недостатке резервов, приходилось непосредственно принимать чреватые последствиями решения.

Общее руководство операциями, заботы об армии и о военном напряжении родины занимали первое место среди других проблем. Военно-политические программные вопросы стояли на втором плане.

Часы занятий заполнялись личной работой, докладами подчиненных мне начальников отделений и управлений и переговорами.

Я с особым удовольствием и удовлетворением вспоминаю совместную службу и товарищескую жизнь как в моем штабе на востоке, так и в ставке.

При огромной нагрузке в работе и при тяжелой ответственности, выпавших на меня, я мог использовать как сотрудников только людей прямых и с инициативой; я требовал, чтобы они без утайки высказывали мне свое мнение, что они делали подчас вполне откровенно. Наша совместная работа была основана на взаимном личном доверии. Мои сотрудники гордо и надежно были преданы мне. Они были моими самоотверженными и самостоятельными помощниками, проникнутыми высоким чувством долга. Конечно, решение зависело от меня, так как ответственность исключала всякое промедление. Война требовала быстрого хода дел. Но в моих решениях не было произвола, и я никого не обижал, когда мне приходилось отклонять предложения моих сотрудников. В тех случаях, когда различные варианты являлись равноценными, я всегда прилагал старания отдать дань уважения отклоняемому мнению, не оставляя никакой неясности.

Меня радовали слава и доброе имя моих сотрудников. Я всегда утверждал и говорю и теперь еще, что война имела такой огромный размах и предъявляла столь великие требования, что одному человеку ответить на них было невозможно. Оставался широкий простор, на котором могли блистать мои сотрудники.

На востоке мой первый сотрудник, тогда подполковник, теперь генерал-майор Гофман, был чрезвычайно одаренным, прокладывающим дорогу вперед офицером. Насколько я его ценил как солдата, видно из того, что, когда в августе 1916 года я был назначен в ставку, я предложил его своим заместителем. На этом посту он заявил о себе так же блестяще, как и раньше, когда он был моим старшим офицером генерального штаба.

В ставку для оперативной работы я взял подполковника Ветцеля. Я знал и ценил его уже раньше. Он прекрасно знал Западный фронт. Он там выдвинулся, будучи старшим офицером генерального штаба и начальником штаба III армейского корпуса, и особенно отличился под Верденом. Это был настоящий преданный солдат, с твердым характером, с богатой инициативой, восприимчивый, точный в работе, – он был для меня незаменимым дорогим помощником. К сожалению, мы в сентябре 1918 года расстались, сохранив взаимное уважение; это было вызвано той причиной, что мне пришлось произвести в штабе перегруппировку, чтобы обеспечить себе немного больше отдыха.

За подполковником Ветцелем следовали полковник Гейэ и майор фон Штюльпнагель, который долгое время служил у меня в отделении в Берлине. Они обладали твердым, открытым солдатским характером. С ними я пережил самое тяжелое время, которое может пережить солдат, когда выяснилось, что в военном отношении войну мы выиграть не можем. Расставаться с ними в этот момент было для меня самым тяжелым испытанием.

Организационные вопросы находились преимущественно в ведении майоров фон Фоллард-Бокельберга, баронов фон дер Бусше и Франерта, людей невероятной трудоспособности, с большой дальновидностью и творческой инициативой. Результаты их работ были значительны.

Трое из моих сотрудников особенно часто выступали перед обществом. Это входило в круг их обязанностей.

Полковник Бауэр, выдающаяся личность, видел, как и я, в отношениях нашей родины к войне основную предпосылку для конечного успеха и неустанно стремился поддержать и поднять работу тыла на войну. Ему принадлежит требование широкого развития артиллерии. Ему приходилось отстаивать размер материальных ресурсов, которые страна выделяла из своего потребления на армию, и для этого отдавать себе ясный отчет из общения с фабрикантами и рабочими об общей производительности промышленности. Круг его ведения был связан с работой военного министерства. Его сотрудничество и мнения представлялись очень ценными для верховного командования в военно-хозяйственных и многих тактических вопросах.

Начальником политического отдела был генерал фон Бартенверфер. Это был спокойный и ясно мыслящий офицер и горячий патриот. Следить за военной политикой вражеских и нейтральных стран и вступать по вытекающим отсюда вопросам в сношения с имперским канцлером было важной задачей генерального штаба действующей армии. То же надлежит сказать о политических вопросах в оккупированных областях, поскольку они касались верховного командования. Вопрос о границах, которые должны были создаваться как следствие войны, имел существенное значение для дальнейшего обеспечения отечества в военном отношении, и разработка его представляла важный отдел работы верховного командования. Политическое отделение вело всю переписку по вопросам, связанным с заключением мира.

Третьим был подполковник Николаи, сотрудник, проникнутый чувством долга, железного прилежания, имевший организационное дарование. Его задачи были, может быть, даже слишком разносторонними. Его круг ведения вырос органически. На обязанности подполковника Николаи лежало военное руководство печатью и в тесной связи с этим наблюдение и поддержание настроения внутри страны и в армии, поскольку это было достижимо для военного

ведомства. Для успешного разрешения обеих задач требовалась совместная работа с имперскими властями, добиться которой нам не удалось. Ввиду этого руководство прессой и ориентировка оказались осуществленными только частично нашими силами.

Военная цензура руководилась также подполковником Николаи и его органами. Цензура, конечно, никого не могла удовлетворить, но это лежит в существе этого, к сожалению, неизбежного на войне зла. Я мог только сожалеть, что эта функция выпала на верховное командование, так как другие ведомства воздерживались брать ее в свое ведение.

Вторым обширным кругом работы подполковника Николаи являлась агентурная разведка и борьба со шпионажем, связанная с наблюдением за сношениями по почте, телеграфу и телефону и с ограничениями при переезде границы и при пересылке почты, борьба с экономическим шпионажем и саботажем. Подполковник Николаи своей разведкой хорошо обслуживал высшее командование. Отсутствие верных данных лежит в существе войны. Противник, располагавший несравнимо сильнейшими средствами, также никогда не знал, что мы собираемся делать. Нам всегда удавалась внезапность, за исключением 15 июля 1918 года, но тогда мы сами облегчили ему задачу раскрытия нашего плана. Оценка и разработка данных о противнике для использования их при оперативной работе составляли задачу отделения «иностранные армии», во главе которого стоял майор фон Раух, опытный и кропотливый офицер генерального штаба. Он был на высоте своей ответственной задачи. И в этом отношении работы генерального штаба дали такие успешные результаты, какие только можно ожидать. Я имел в своем штабе еще много других надежных сотрудников: назову полковников фон Тишовица и фон Мерца, майоров – фон Вальдова, Кранца, фон Гарбоу, Гофмана, Бартенверфера и Мутса, капитанов – Вефера, Габриэля, Гейфа, фон Фишера-Трейенфельда, фон Гослера, фон Позека и многих других.

Чиновники и низший персонал стояли также на должной высоте.

Особенно по-товарищески протекали обеды и завтраки, происходившие в широком кругу. Генерал-фельдмаршал любил веселые, оживленные разговоры. Я охотно принимал в них участие, но беседовал также и по служебным делам. Само собой разумеется, при этом строго соблюдалось – не обсуждать здесь оперативных мероприятий.

Посетители являлись часто в столовую или только в служебный кабинет. Иногда они являлись в особенно критические моменты. Я помню, как в октябре 1914 года господа, прибывшие с поездом с подарками, оживленно говорили о предстоящем взятии Варшавы в то время, когда я уже обдумывал отступление. В таких случаях гости бывали тяжелым бременем для нервов.

У проезжавших офицеров различных родов оружия, из дивизий со всех частей фронта мы иногда лучше ориентировались, как действительно обстоят дела в армии, чем из пространственных официальных донесений. Я придавал особенно большое значение тесной связи с фронтом, черпал из нее много наводок и соображений, которые всегда потом разрабатывал. Эти военные визиты были мне особенно дороги и ценны.

Часто являлись представители правительства из Берлина и от союзных держав. Имперский канцлер фон Бетман-Гольвег посетил нас первый раз осенью 1914 года в Познани и затем в феврале 1915 года в Лётцене. И последующие имперские канцлеры часто являлись к нам.

Иногда мы принимали членов парламента. У меня всегда оставалось впечатление, что им нравилось у нас, к какой бы партии они ни принадлежали. В беседе с ними, как и с другими частными лицами, я всегда был весьма сдержан в оценке военного положения и в выражении моих воззрений на заключение мира.

Иногда к нам приезжали также представители крупной и тяжелой индустрии, представители торговли, профессиональных и предпринимательских союзов и приглашались к столу. Появлялись нейтральные военные атташе, офицеры, командированные из нейтральных стран для посещения фронта, отечественные и иностранные корреспонденты, а также представители

печати, науки и искусства. К столу Главнокомандующего на Востоке особенно часто являлись представители всех частей Восточной и Западной Пруссии.

В числе немецких гостей перебивало много представителей владетельных династий. Особенной честью для нас, конечно, являлось посещение его императорским величеством. Разговор шел столь же непринужденно, как и всегда, и у нас было чувство, что его императорское величество с удовольствием пребывает у нас.

Мне еще потому были особенно удобны эти приемы гостей за столом, что тут мне представлялся случай обсудить различные очередные вопросы. Я выгадывал, таким образом, больше времени для других военных задач.

VI

Управление войсками требует воли и предвидения, но оно требует также господства над огромным армейским организмом, которое может быть достигнуто и удержано только путем железной работы. Необходимо еще большее – это понимание психики войск и особенностей противника. Этого уже работой достигнуть нельзя; такое понимание, как и бесконечно многое другое, зависит исключительно от личности. Значение малых элементов возрастает с величиной задач. Доверие и вера в победу связывают вождей и войска.

При нашей чрезвычайно трудной задаче штабы фронтов и армий делили с нами работу, проявляя самостоятельность и сознательность. Между нами происходил живой обмен мнениями, но решение принимали мы. Верховное командование должно было также следить за единообразием понимания и приводить к согласию в бесконечно многих вопросах, из которых складывается жизнь армии. Это являлось особенно важным при многочисленных перегруппировках войсковых частей.

За этими необходимыми ограничениями войсковые начальники в их круге ведения были самостоятельны. Самостоятельность получала большее развитие при наступлении, чем при позиционной войне и при обороне. Естественно, бывали такие тактические положения, когда в отдельных распоряжениях взгляды частных начальников расходились с верховным командованием. Решение в таких случаях часто оставалось за ними. В этих случаях я испытывал душевное беспокойство: если эти начальники имели успех, то я радовался, если же они терпели поражение, то я чувствовал на себе его бремя.

Больше всего я ценил устные сообщения и сбор непосредственных впечатлений. Я охотно ездил на фронт и в должности первого генерал-квартирмейстера пользовался отдельным поездом, приспособленным для работы и для телеграфной связи. Служба во время поездки не прерывалась. На определенных станциях я принимал обычные срочные донесения, как и в главной квартире, и в случае необходимости можно было вступить в сношения со всем миром.

Мои личные отношения со штабами и войсками были хорошими. Мне оказывали доверие.

Особенно охотно я вспоминаю свои поездки в главную квартиру германского кронпринца. Кронпринц проявлял много понимания военного дела и ставил умные, дельные вопросы. Он любил солдат и заботился о войсках. Он не был сторонником войны и стоял за мир. Это верно, хотя многие и утверждают противное. Кронпринц постоянно сожалел о том, что он был недостаточно подготовлен к своему назначению – быть в будущем императором, и прилагал все усилия, чтобы восполнить свои пробелы. Вразрез с моим мнением он считал себя более слабым, чем мог бы быть специалист на его посту. В связи с этим он составил докладную записку и передал ее своему царственному отцу и имперскому канцлеру. Кронпринцу вредили его откровенные выступления: он стоял выше, чем можно было заключить по ним.

Начальник штаба фронта германского кронпринца, полковник граф фон Шуленбург, ясномыслящий и работоспособный офицер, служил мне хорошей и надежной опорой.

Я также часто бывал в штабе фронта кронпринца Рупрехта Баварского. Начальник штаба, предусмотрительный и исключительно работоспособный генерал фон Куль, был знаком мне еще с юношеских лет. Я мог только удивляться его спокойствию даже в самых тяжелых положениях.

Это заняло бы слишком много места, если бы я стал описывать все штабы фронтов и армий. Я упомяну еще о генерале фон Лосберге. Этот выдающийся офицер и организатор оказал большие услуги отечеству и армии. Его доверие мне было особенно ценно.

Когда я находился в штабах на фронте, начальники штабов делали мне доклады об обстановке. На докладе присутствовали и командующие армиями. Начальники штабов выска-

зывались столь же откровенно, как и мои сотрудники в ставке. Им было известно, что я интересовался их личным мнением и что мне нужно было ясное освещение, а не декорация потемкинской деревни. Иногда армиям приходилось напоминать, что надлежит доносить объективную истину, неблагоприятные данные передавать так же точно, как и благоприятные.

За докладом следовало обсуждение, в котором командующие армиями принимали участие, если они сами не брали на себя труд сделать доклад, за что я им бывал особенно благодарен. Присутствие командующих армиями на докладе, вошедшее в норму, давало мне возможность обсудить совместно с ними многие вопросы.

Мои сношения с армиями не ограничивались еженедельными поездками. Каждое утро я разговаривал по телефону с начальниками штабов армий и выслушивал их опасения и надежды. Они часто обращались с просьбами. Они знали, что если я мог помочь, то просьба их будет удовлетворена. Приходилось ободрять начальников штабов, и у меня оставалось впечатление, что они с большей надеждой возвращаются к своим трудным задачам. За так называемым зеленым сукном² можно было иногда объективнее обозреть стратегическое и тактическое положение, чем на месте под влиянием сильных личных впечатлений.

При разговорах по телефону дело сводилось к ориентировке. Приказания отдавались при этом только в экстренных случаях и всегда затем еще раз точно повторялись в письменной форме штабам армий.

Само собой разумеется, что разговор со мною докладывался командующим армиями и фронтами. К передаче командных функций в руки начальников штабов я был абсолютно несклонен. Да и командующие обладали для этого слишком самостоятельным характером.

Мне известны лишь единичные случаи, когда, со ссылкой на авторитет верховного командования, отдавались распоряжения, на которые бы я никогда не согласился. Когда мне становилось об этом известно, я принимал резкие меры.

На боевые участки и в штабы армий, где я не мог лично следить за событиями, верховное командование высылало для осведомления офицеров генерального штаба, чтобы непосредственно с места получать по возможности ясную картину действий.

Смена лиц на высших должностях была неизбежна. Перемены в командном составе производились по докладу начальника военного кабинета, а в генеральном штабе – по докладу начальника генерального штаба действующих армий. По существу, так же было и в мирное время. В единичных случаях смена высших начальников инициировалась и верховным командованием.

Такие перемены являлись необходимыми, чтобы поставить особенно опытных офицеров там, куда переносился центр тяжести боевых операций. Это облегчало руководство операциями, приносило пользу войскам и сохраняло человеческие жизни.

Во время особенно длительных боев, в особенности когда они протекали неудачно, приходилось сменять начальников штабов армий. Нервы этих лиц были непрерывно невероятно напряжены и не могли выдерживать продолжительное время. Штабы отработанных в бою корпусов замещались на фронте другими. Смена вредила делу, но наносимый ею ущерб можно было сгладить. Целый штаб армии не мог быть смнен, с этим были бы связаны слишком большие трения в бесконечно многих вопросах, особенно в снабжении армии. Другого выхода не оставалось, кроме персональных смен. Вызываемое этим беспокойство надо было рассматривать как неизбежное зло.

Иногда во избежание ущерба в управлении войсками увольнение командующих и начальников штабов армий происходило по предложению верховного командования. Естественный упадок энергии у некоторых лиц ввиду продолжительности войны вполне понятен. К нашему счастью, это были совершенно единичные случаи. При всей добросовестности нельзя было не

---

² То есть в кабинете. – *Примеч. ред.*

поступать жестоко и даже обойтись без несправедливости. Я предоставлял им широкое поле для оправданий, но если дело от их отставки страдало, то я чувствовал себя виновным, и никто не мог освободить меня от упреков, которые я себе делал.

Под сильным впечатлением событий 8 августа 1918 года я просил генерал-фельдмаршала уволить меня. Конечно, к концу войны тяжелое разочарованиехватило и меня, однако я продолжал справляться со своими нервами.

Льеж

I

Штурм этой крепости – самое дорогое воспоминание из всей моей солдатской жизни. Это было непосредственным действием, в котором я мог драться как рядовой боец.

При возникновении войны я был командиром бригады в Страсбурге. Я долгое время служил в генеральном штабе. Под конец, т. е. с марта 1904 года по январь 1913 года, я работал с короткими перерывами в отделении по стратегическому развертыванию и был назначен его начальником. Я получил представление о нашей подготовке к войне и о соотношении сил наших и противников. Моей главной работой было стратегическое развертывание по указаниям начальника генерального штаба.

Стратегическое развертывание, состоявшееся в августе 1914 года, создалось на почве идей генерала графа фон Шлифена, одного из величайших солдат, которого когда-либо знал мир. Его план был составлен на тот случай, если Франция не уважит нейтралитет Бельгии или если Бельгия присоединится к Франции. При этих предпосылках вторжение в Бельгию главных сил германской армии получалось естественно. Всякая другая операция парализовалась бы постоянной угрозой из Бельгии правому флангу германской армии и исключала бы возможность быстрой развязки с Францией. А такая развязка была необходима, чтобы иметь возможность своевременно отвлечь большую опасность русского вторжения в сердце Германии. Наступление на Россию и оборона на западе при существующей обстановке заранее означали бы, как это показали многочисленные военные игры, затяжную войну и были ввиду этого забракованы генералом графом фон Шлифеном.

Мысли графа фон Шлифена были применены к делу лишь после того, как не осталось никакого сомнения в поведении Бельгии и Франции. Насколько генерал фон Мольтке вступал в сношения с имперским канцлером фон Бетманом по вопросу о движении через Бельгию, я не знаю³. Мы все были убеждены в правильности шлифеновского развертывания. В нейтралитет Бельгии никто не верил.

При невыгодах нашего военно-политического положения в центре Европы, с врагами со всех сторон, нам приходилось учитывать значительное превосходство неприятеля; мы должны были вооружаться, если не хотели добровольно дать себя задушить. Что побуждало Россию к войне, и потому она непрерывно усиливала свою армию, было известно. Россия хотела окончательно ослабить Австро-Венгрию и приобрести полное господство на Балканах. Во Франции с новой силой оживилась мысль о реванше, старые германские имперские провинции должны были вновь стать французскими. События во Франции и введение там трехлетней воинской повинности не оставляли никаких сомнений в господствующих там намерениях. Англия с завистью смотрела на расцвет нашей промышленности, на дешевизну нашей рабочей силы и на наше железное прилежание. При этом Германия была самой сильной континентальной державой в Европе. К тому же она имела хороший и быстро развивающийся флот. Это заставляло Англию бояться за свое мировое господство. Англосакс почувствовал угрозу своей барской жизни. Английское правительство сосредоточило в Северном море и канале свои морские силы, центр тяжести которых еще недавно лежал в Средиземном море. Угрожающая речь Ллойд Джорджа от 21 июля 1911 года бросала слабый свет на намерения Англии, которые она исключительно удачно скрывала. Все с большей уверенностью надо было рассчитывать, что мы будем вынуж-

---

³ Я установил, что имперский канцлер был осведомлен. – *Примеч. авт.*

дены начать войну и что это будет война, подобной которой еще не было на свете. Недооценка вероятных сил противников, имевшая место в невоенных германских кругах, была опасна.

Еще в последний час, осенью 1912 года, когда исчезло всякое сомнение в неприятельских намерениях и когда среди войск, сознававших свой германский долг, шла напряженная работа с железным прилежанием, я составил план значительного усиления боевых сил, который шел навстречу желаниям благоразумной части народа и проницательных парламентских партий. Мне удалось побудить генерала фон Мольтке обратиться с этим планом к имперскому канцлеру. Последний, вероятно, также считал положение весьма серьезным, так как он сразу выразил свое согласие. Имперский канцлер уполномочил военного министра разработать соответственный проект, но не ввел в свою политику хотя бы небольшие изменения, чтобы сделать ее более ясной, чтобы более определенно поставить ее цели и чтобы правильно учесть психику народов. А этот вывод для себя он должен был бы сделать. Миллиардный проект по своему происхождению не носил агрессивного характера, но только сглаживал самые сильные несоответствия и позволял действительно осуществить всеобщую воинскую повинность. Всё еще оставались тысячи военнообязанных, которые не отбывали воинской повинности. Требовалось не только количественное увеличение армии, но преимущественно усиление наших крепостей и материальных средств. Все это дали, но мое крайне настойчиво заявленное пожелание, чтобы были сформированы три новых армейских корпуса, не было исполнено. О них даже не был поднят вопрос. За это последовала жестокая расплата. Корпусов не хватало к началу войны, а при новых формированиях, которые мы должны были выставить осенью 1914 года, обнаружили все невыгодные последствия импровизации. Позднее новые формирования с самого начала получали более сильные кадры, но зато они ослабляли уже существующие части, которые должны были для этой цели выделять значительный личный состав.

Прежде чем весь проект был окончательно проведен, я получил назначение в Дюссельдорф на должность командира 39-го пехотного полка. В этом назначении сыграла роль моя настойчивость в требовании этих трех корпусов.

II

Служба в строю – живая работа. Оживленное общение и постоянная непосредственная совместная работа с людьми и для людей, которые были вверены моему надзору, обучение офицеров, унтер-офицеров и солдат, военное воспитание юношей и превращение их в мужей, – все это после долголетней кабинетной работы меня особенно привлекало. Тринадцать лет я не нес строевой службы. Проверка обучения новобранцев занимала теперь первое место в моей службе в полку. Когда я был молодым офицером в 80-х годах прошлого столетия, семь раз мне вверялось обучение новобранцев, а именно: в 57-м пехотном полку в старом Везеле и в морской пехоте в Вильгельмсгафене и в Киле. Позднее я еще несколько недель нес службу в 8-м лейб-гренадерском полку во Франкфурте-на-Одере и с 1898 по 1900 год командовал ротой 61-го пехотного полка в Торне. Это для меня незабвенное время. Теперь в Дюссельдорфе я радовался всему тому, что удержалось с того времени.

Я видел, как будущая война приближалась большими шагами, и тем сознательнее ощущал всю тяжесть ответственности, которая лежала на мне как на командире полка. В различных обращениях к корпусу офицеров полка я им указывал на всю серьезность настоящего времени. В армии я видел основу обеспечения Германии и ее будущего, а также утверждение внутреннего спокойствия. Что армию надлежит воспитывать в таком направлении, это в 1913 году еще, слава богу, не встречало ни малейших возражений.

Дисциплина, распространявшаяся на офицеров и солдат, представляла для меня фундамент, на котором только и можно было создать боевую подготовку армии. Она могла быть достигнута только при более продолжительном сроке службы. Только то, что вошло в плоть и кровь закаленного дисциплиной человека, будет твердо сохраняться годами и переживет разлагающее влияние боя и сильные душевные испытания продолжительной войны. Хорошее обучение мирного времени должно было искупить нашу меньшую численность, которую приходилось учитывать, какая бы война нам ни предстояла.

Я ставил себе задачей воспитать в сплоченной дисциплиной части самостоятельных и охотно устремляющихся к ответственности солдат. Дисциплина не должна мертвить характер, а, наоборот, его укреплять. Она должна создавать общую размеренную работу, ведущую к одной цели и отбрасывающую на второй план всякие помыслы о собственной особе. Целью является победа. То, что от человека требуется в бою, не подлежит описанию. Великий подвиг поднять людей для перебежки под неприятельским огнем, а это еще далеко не самое трудное дело. Какое стремление к ответственности и какую невероятную решимость надо иметь, чтобы себя и других вести и посылать на смерть. Это бесконечно трудное дело, о тяжести которого никто не может судить, кто сам не принимал в нем участия.

Помимо заботы о людях и подготовки унтер-офицеров для их дальнейшего предназначения, особенно важной задачей для меня являлась дальнейшая подготовка корпуса офицеров и воспитание офицерской молодежи. Офицерский кадр мирного времени остается, тогда как офицеры запаса, унтер-офицеры и солдаты меняются. Офицерский кадр является, таким образом, носителем духа армии. Как всякий человек, занимающий руководящее положение, офицер должен знать великие дела и историю своего отечества. Ничто не может быть без значительного ущерба вырвано из общей исторической связи. Офицер, поддерживаемый унтер-офицерами, превращается в серьезный момент в защитника государственного порядка – это никто не должен был забывать. В этом заключается главное основание замкнутости офицерского корпуса и тесно связанного с этим удаления офицеров от политической жизни.

Я старался ознакомить моих офицеров с характером современной войны. Я стремился укрепить в них уверенность в своих силах, необходимую, чтобы справиться с их тяжелыми задачами. Однако самоуверенность не должна была переходить через край.

Я с большим рвением посвятил себя обучению полка и получил удовлетворение, так как полк постоял за себя перед лицом противника. Мне доставило большую радость, когда во время войны я был зачислен в списки полка, а затем был назначен его шефом. После моего увольнения полк сохранил мое имя. Я горжусь пехотным полком имени генерала Людендорфа.

Я прибыл в Страсбург в апреле 1914 года. В это время генерал фон Деймлинг установил там энергичный темп военной жизни. Положение командира бригады резко отличалось от положения командира полка в Дюссельдорфе. Недоставало непосредственной совместной жизни с солдатами и офицерами. Моя работа заключалась в области обучения. Перед войной я успел получить удовольствие представить начальству мою бригаду на учебном плацу под Бичем.

На очереди стояло мое назначение в большой генеральный штаб обер-квартирмейстером. Я все время продолжал принимать участие в работах генерального штаба. В мае я был участником поездки генерального штаба, начавшейся во Фрейбурге в Брисгау и закончившейся в Кёльне. В этой поездке принимал также участие его императорское высочество кронпринц германский. Он серьезно и с большим усердием работал над своей задачей и одновременно обнаружил правильное военное понимание и глазомер в крупных вопросах. В августе я должен был принять участие в так называемой «мучной поездке». В этой поездке на стадии стратегического планирования должно было обсуждаться снабжение одной армии.

Нота, предъявленная в конце июля Австро-Венгрией Сербии, встревожила и меня в Страсбурге. Никто не мог оспаривать степень ее серьезности. Скоро война стала неизбежной. Дипломатия поставила германскую армию перед бесконечно трудной задачей. Я с большим напряжением взирал на Берлин и почувствовал теперь, что находился в стороне от всех крупных событий.

III

1 августа была объявлена мобилизация. Моя жена немедленно уехала в Берлин, так как семьи офицеров и чиновников должны были сейчас же покинуть Страсбург. В течение четырех лет войны мы не могли устроить собственный угол. Я редко имел возможность видеть жену, и то как-то на лету. В эти серьезные годы я не существовал для семьи, так как все мое время связывалось службой.

Рано утром 2 августа я отправился со своими лошадьми через Кёльн в Ахен и к вечеру прибыл туда. По мобилизации я был назначен обер-квартирмейстером штаба 2-й армии. Командиром 2-й армии был генерал фон Бюлов, а начальником штаба – генерал фон Лауенштейн.

Сначала я прибыл к генералу фон Эммиху, которому была поставлена задача с несколькими наскоро мобилизованными смешанными пехотными бригадами, которые еще не пополнились до полного штата военного времени, захватить внезапным ударом крепость Льеж. Это должно было открыть свободный путь армии в глубь Бельгии.

Я разместился в Ахене в гостинице «Унион».

Рано утром 3 августа сюда прибыл генерал фон Эммих. Я встретился с ним первый раз. Глубокое уважение связывало меня до самой его смерти с этим выдающимся солдатом. Начальником его штаба был полковник граф фон Ламбсдорф, проявивший себя как в боях под Льежем, так и в дальнейшем выдающимся офицером.

Рано утром 4 августа мы перешли через бельгийскую границу. В этот момент в Берлине рейхстаг патриотически демонстрировал свою солидарность с правительством, и после прочтения тронной речи присутствующие вожди партий пожатием руки дали императору обет верности на светлые и темные дни. В тот же день я принимал участие в первом бою под Визэ, у самой голландской границы. Было совершенно ясно, что Бельгия уже давно готовилась встретить наше вступление. Дороги были планомерно разрушены и забаррикадированы, насколько это достижимо при настойчивой работе. На юго-западной границе Бельгии мы не обнаружили и следов подобных заграждений. Почему Бельгия не принимала подобных же мер против Франции? (См. [схему 1](#) в разделе «Схемы и фотографии»)

Удастся ли нам захватить неповрежденными мосты у Визэ – было для нас вопросом особой важности. Я отправился туда с кавалерийским корпусом фон дер Марвица, который был предназначен для этой цели. Он медленно продвигался вперед, так как одна засека за другой загромождали дорогу. По моему предложению вперед была выслана рота самокатчиков. Вскоре два самокатчика возвратились и доложили, что рота въехала в Визэ и была там полностью уничтожена. Я направился туда с двумя солдатами и, к моей радости, нашел там роту невредимой, только ее командир был тяжело ранен выстрелом с другого берега Мааса. Воспоминание об этом маленьком эпизоде послужило мне на пользу в будущем. Я стал менее восприимчив к «татарским», или, как говорили позднее, к «этапным» слухам.

Чудные огромные мосты через Маас у Визэ были разрушены: Бельгия вступила в войну.

К вечеру я был в Гервэ, это был мой первый ночлег на неприятельской территории. Мы ночевали в какой-то гостинице против вокзала. Все было в исправности, и мы спокойно легли спать. Среди ночи я проснулся от оживленной перестрелки, стреляли также и в наш дом – партизанская война в Бельгии началась. На следующий день она завязалась повсеместно и решительно повлияла на то озлобление, которое в течение первых лет характеризовало войну на западе, в противоположность настроению, господствовавшему на востоке. Бельгийское правительство взяло на себя тяжелую ответственность, оно планомерно организовывало народную

войну. Гражданская гвардия⁴, которая в мирное время имела на руках оружие и мундирную одежду, могла выступать то в одном, то в другом одеянии. В начале войны и бельгийские солдаты захватили в свои ранцы штатские костюмы. На Северо-Восточном фронте Льежа, в окопах у форта Баршон, я видел валяющиеся мундиры, которые оставили сражавшиеся там солдаты.

Такой способ войны не отвечает принятым военным обычаям. Поэтому нельзя ставить в вину нашим войскам, когда они резко реагировали на это. Конечно, невинным приходилось расплачиваться вместе с виновными, но вообще «бельгийские зверства» – это исключительно искусная, утонченно выдуманная и распространенная легенда. Эти зверства должны быть поставлены на счет одному бельгийскому правительству. Я выступил в поход с идеями рыцарского и гуманного ведения войны. Эта партизанская война была отвратительна всякому солдату. Я, с моим солдатским пониманием, испытывал тяжелое разочарование.

---

⁴ Ополчение, которое в 1914 г. не было мобилизовано бельгийским правительством. – *Примеч. ред.*

IV

Высланные вперед к Льежу бригады должны были решить трудную задачу. Это было подвигом – прорваться внутрь современной крепости через линию фортов. Войска чувствовали себя подавленными. Из разговоров с офицерами я сделал вывод, что уверенность в удачном исходе этой операции очень слаба.

В ночь с 5 на 6 августа началось наступление к Льежу через линию укреплений. Общий ход событий под Льежем описан в особой монографии генерального штаба, изданной Сталиным в Ольденбурге. Повторять его здесь не входит в мои намерения, я собираюсь описать только мои личные переживания.

Около полуночи с 5 на 6 августа генерал фон Эммих отбыл из Гервэ. Мы поехали верхом на сборный пункт 14-й пехотной бригады, а генерал-майор фон Вуссов отправился в Мишру, расположенное в двух или трех километрах от Флерона. В глубокую темную ночь на дороге, которая могла быть непосредственно обстреляна с форта, собирались войска. Образ действий не отличался военной сноровкой. Тут же находились походные кухни, с которыми еще не привыкли обращаться и которые потом так благословляли. В это скопление попало несколько выстрелов из какого-то дома, находившегося к югу от дороги. Завязались стычки, но форт молчал, и это было божественное чудо. Около часа началось наступление. Оно направлялось севернее форта Флерон, через Ретин за линию фортов и затем на прилегающие к городу высоты Шартрез. Туда мы должны были прибыть ранним утром. Остальные бригады, которым предстояло прорвать линию фортов в других местах, должны были одновременно достигнуть города.

Штаб генерала фон Эммиха находился ближе к хвосту нашей походной колонны. Неожиданно колонна остановилась на продолжительное время. Я стал вдоль нее пробираться вперед. Для остановки не было никаких оснований, наоборот, можно было только сожалеть о той оценке обстановки, которая ее вызвала. Я лично был, по существу, только бродягой на поле сражения, мне никто не был подчинен, и я должен был лишь осведомлять о событиях у Льежа мой штаб армии, который прибывал позже, а также согласовать мероприятия генерала фон Эммиха с ожидаемыми распоряжениями генерала фон Бюлова. Само собой разумеется, я двинул вперед походную колонну и сам остался в ее голове. Между тем связь с передовыми частями утрачилась. Мы пришли в Ретин в полной темноте, с трудом разбирая дорогу. Связь с передовыми частями все еще не восстанавливалась. Я вышел из деревни с головой колонны по ошибочному направлению. Навстречу раздались выстрелы. Справа и слева повалились люди. Я никогда не забуду звука удара пуль в человеческие тела. Мы сделали несколько перебежек в направлении невидимого противника, огонь которого становился оживленнее. В темноте было нелегко ориентироваться. Но не могло быть никакого сомнения в том, что мы взяли неправильное направление. Приходилось возвращаться с линии огня, что было досадно. Солдаты могли подумать, что я испугался. Но другого выхода не было, на карте стояла более крупная ставка. Я пополз назад и отдал солдатам приказ отходить до опушки деревни.

В Ретине я нашел правильную дорогу. Здесь я увидел конного вестового генерала фон Вуссова с его лошадей. Он предполагал, что генерал убит. С небольшой кучкой следовавших за мною я взял правильное направление и пошел по шоссе в Ке-Дю-Буа. Вдруг передо мной блеснул огонь. Картечь просвистала вдоль дороги. Мы остались невредимы. Через несколько шагов мы наткнулись на кучу убитых и раненых немецких солдат. Это была головная застава с генералом фон Вуссовым; в нее, вероятно, попал один из предшествовавших выстрелов картечью. Я собрал постепенно подходивших солдат 4-го егерского батальона и 27-го пех. полка и решил вступить в командование бригадой. Прежде всего надлежало покончить с орудиями, которые обстреливали дорогу. Капитаны генерального штаба фон Гарбоу и Бринкман с несколькими

храбрыми людьми через изгороди и дворы по обе стороны шоссе пробрались к орудиям. Сильное прикрытие сдалось. Дальнейшая дорога была свободна.

Мы продолжали наступление и вскоре достигли Ке-дю-Буа, где начался сильный бой за дома. Постепенно светало. Оба капитана генерального штаба, командир 4-го егерского батальона майор фон Маркард, командир 2-го дивизиона 4-го полевого артиллерийского полка майор де Грейф и его замечательный адъютант поручик Нейде, несколько солдат и я шагали впереди. Одна полевая гаубица, к которой впоследствии присоединилась вторая, продвигалась наравне с нами; она очищала улицы и стреляла в дома направо и налево. Таким образом мы медленно продвигались вперед. Мне часто приходилось напоминать солдатам, которые медлили продвигаться, чтобы они не оставляли меня одного идти вперед. Наконец деревня осталась позади нас. Впрочем, все население бежало. Здесь мы вели бой с регулярными бельгийскими войсками.

При выходе из деревни мы увидели в направлении Мааса колонну, шедшую в направлении на Льеж. Я надеялся, что это 27-я пехотная бригада. Но это оказались бельгийцы, которые, вместо того чтобы нас атаковать, потеряв голову, отходили за Маас. Потребовалось много времени, чтобы уяснить себе обстановку. Тем временем находившееся при мне ядро постепенно усиливалось подходившими отсталыми. Прорыв линии фортов удался. 165-й пехотный полк со своим выдающимся командиром, тогда еще полковником фон Овеном, продвигался в полном порядке. Прибыл генерал фон Эммих. Наступление на Шартрез продолжалось.

В предположении, что атаковавшей южнее 11-й пехотной бригаде также удалось пробиться, генерал фон Эммих предоставил в мое распоряжение и ее части. Дальнейшее движение обошлось без происшествий. Из долины Мааса мы начали подниматься на высоты восточного Шартреза на виду укреплений Северного фронта Льежа. Когда бригада заняла высоту, было уже около 2 часов. Орудия были наведены на город. Изредка давалось по одному выстрелу, отчасти как сигнал для других бригад, отчасти, чтобы сделать более стоворчливыми коменданта и город. Я должен был экономить боевые припасы, так как их оставалось немного. Войска были изнурены, сильно измотавшись в бою. Офицеры остались без лошадей. Походные кухни отстали. Я дал бригаде отдохнуть и покормиться, поскольку это оказалось возможным путем реквизиции в ближайших домах.

Генерал фон Эммих скоро опять догнал бригаду. С высот восточнее Шартреза, на которых мы находились, открывался великолепный вид на город. Он лежал у наших ног. На другом берегу Мааса возвышалась цитадель. Неожиданно там развернулся белый флаг. Генерал фон Эммих хотел командировать туда парламентаря. Я предложил обождать прибытия парламентаря противника, но генерал фон Эммих остался при своем решении. Капитан Гарбоу поскакал в город. Он возвратился в 7 часов вечера: белый флаг был поднят вопреки воле коменданта. Для вступления в Льеж было уже слишком поздно. Предстояла тяжелая ночь.

Тем временем я устраивал бригаду. Положение было необычайно серьезным. О других бригадах, в том числе об 11-й, не было никаких сведений. Ординарцы не смогли пробиться. Становилось все очевиднее, что бригада была единственной, которая находилась внутри пояса фортов, и была отрезана от внешнего мира. Мы должны были рассчитывать на контратаки противника. Особенно затрудняло нас наличие приблизительно тысячи бельгийских пленных. Когда выяснилось, что расположенное рядом с нами старое укрепление Шартрез не занято, я отослал туда пленных под конвоем одной роты. Ротный командир, вероятно, усомнился в моем рассудке.

Нервозность войск с наступлением темноты сильно повысилась. Я прошел вдоль фронта и призывал людей к спокойствию и выдержке. Слова «Завтра утром мы будем в Льеже» подбодрили их.

Генерал фон Эммих со своим штабом ночевал в маленькой крестьянской избе.

Я никогда не забуду ночи с 6 на 7 августа. Было холодно, мои вещи остались позади, майор фон Маркард дал мне свою накидку. Я напряженно прислушивался, не слышно ли где-нибудь боя. Я все еще надеялся, что хоть одна бригада пробьется через линию фортов. Но было совершенно тихо, только каждые полчаса раздавался выстрел из гаубицы по городу. Напряжение становилось невыносимым. В 10 часов вечера я отдал приказ роте егерей капитана Отта занять мосты через Маас в Льеже, чтобы иметь их в своих руках для дальнейшего наступления и чтобы выдвинуть вперед охранение бригады. Капитан посмотрел на меня, но пошел. Рота достигла своей цели без боя. Донесений от нее не поступило.

Наступило утро. Я пошел к генералу фон Эммиху и обсудил с ним обстановку. Решение наступать оставалось в полной силе. Но часа начала действий генерал фон Эммих еще не наметил. Я занялся некоторым улучшением расположения бригады и пробовал достигнуть пути, по которому ожидалось наступление бригады. Но очень скоро был получен приказ от генерала фон Эммиха о наступлении. Полковник фон Овен образовал авангард. Остальные части бригады и пленные следовали на известном расстоянии; генерал фон Эммих со своим штабом и я со штабом бригады шли в голове. Во время наступления многие находившиеся поблизости бельгийские солдаты сдавались. Полковник Овен должен был занять цитадель. Но поступившие сведения о противнике заставили его отказаться от этого, и он двинулся в северо-западную часть города и расположился у выхода из него в направлении на форт Лонсен. Предполагая, что цитадель находится в руках полковника фон Овена, я вскочил с бригадным адъютантом в бельгийский автомобиль и поехал туда. Когда я приблизился, там не было ни одного германского солдата. Цитадель еще находилась в руках противника. Я постучал в запертые ворота. Ворота открыли изнутри, и по моему требованию находившиеся там две сотни бельгийцев сдались.

Вслед за тем подошла бригада, заняла цитадель, и я ее немедленно приспособил к обороне.

Этим закончилась задача, которую я сам на себя возложил. Теперь я мог просить генерала фон Эммиха меня отпустить. Я предполагал выйти из крепости тем же путем, каким я в нее вошел; поставить штаб армии в известность о всем происшедшем, отыскать остальные бригады и руководить развертыванием артиллерии против фортов. Я еще находился в цитадели, когда туда прибыло несколько сот пленных германцев, которые были уже освобождены. Голова 34-й пехотной бригады прорвалась на западный берег Мааса, но затем бой прекратился. Прорвавшиеся части были взяты в плен. Тогда же прибыла 11-я пехотная бригада и позднее еще 27-я, так что, когда я оставил генерала фон Эммиха, он располагал уже довольно значительными силами. Однако имелись сведения, что от Намюра наступают французы. Таким образом, положение оставалось весьма сомнительным. Оно могло бы считаться обеспеченным лишь после того, как пало по крайней мере несколько восточных фортов.

V

Мое прощание с генералом фон Эммихом было трогательно. В 7 часов утра я отправился в путь в Ахен. Моя поездка была весьма своеобразна. Один из гражданских гвардейцев вызвался меня туда доставить. Я забраковал автомобиль, который он выбрал. Но автомобиль, который я захватил, испортился еще в цитадели. Мне не оставалось ничего другого, как слепо вручить себя бельгийскому солдату. Путешествие прошло гладко. Мы миновали Гервэ; мое помещение и вокзал были уничтожены пожаром. Добравшись до германской территории, шофер вдруг остановился и объявил, что он дальше ехать не может. С помощью разных оказий поздно вечером я прибыл вместе с моим бельгийцем в Ахен. В гостинице «Унион» меня приветствовали, как будто я воскрес из мертвых. Здесь я разыскал свои вещи и денщика Рудольфа Петерса, который мне верой и правдой служил в течение долгих шести лет. Больше всего ему хотелось получить Железный крест. Но он не мог быть им награжден, так как подобные пожалования противоречили моим взглядам. В Ахене я наскоро поел и ночью же поехал обратно разыскивать остальные бригады. Я не раздевался четверо суток. Случайно я повстречал свой старый полк, который срочно перебрасывался по железной дороге на помощь к Льежу. Верховное командование в Берлине также серьезно опасалось за нашу судьбу.

Положение наших частей в крепости было весьма напряженным. Я был озабочен их участью. Но кризис разрешился, так как противник бездействовал.

Повествование о дальнейших событиях у Льежа относится уже к области военной истории.

Я имел возможность еще участвовать только при взятии форта де-Понтисс на Северном фронте. Я прибыл туда в момент падения форта Лонсен. В него попал снаряд 42-см орудия. Пороховой погреб взлетел на воздух, укрепления обрушились. Из-под кучи обломков выползли закоптелые, с совершенно помутившимся сознанием бельгийские солдаты. Вперемешку с ними появлялись и германские пленные, захваченные в ночь с 5 на 6 августа. Они шли к нам навстречу, высоко подняв руки и, заикаясь, лепетали: «Не убивайте, не убивайте». Мы гуннами никогда не были. Наши солдаты принесли воды, чтобы освежить своих врагов.

Одно за другим укрепления переходили в наши руки и так вовремя, что правое крыло германской армии могло совершенно беспрепятственно наступать через Маас в глубь Бельгии. У меня свалился камень с сердца.

На возможность участвовать во взятии Льежа я смотрел как на особое благоволение судьбы, тем более что я еще перед войной принимал участие в разработке проекта нападения на Льеж и глубоко проникся важностью этой задачи. Его императорское величество пожаловал мне за командование бригадой орден «Pour le merite». Генерал фон Эммих, само собой разумеется, как стоящий во главе, также получил его. Он был ответственным вождем. Взятие Льежа было подвигом не одного человека, а целого ряда лиц. Они все разделяют честь взятия крепости.

В должности обер-квартирмейстера я участвовал в дальнейшем наступлении через Бельгию. Мне представился случай основательно изучить все вопросы по снабжению войск, что мне впоследствии очень пригодились на посту начальника штаба. Проезжая по Бельгии, я попал в Анден. Там мне пришлось запечатлеть в памяти жуткую картину жестокостей партизанской войны.

21 августа я еще присутствовал при переправе 2-й гвардейской дивизии через реку Самбру западнее Намюра. Развертывание в боевой порядок происходило спокойно. Вид красивых стройных людей полка Августы, шедшего в бой, действовал ободряюще.

22 августа утром я был отозван на Восточный фронт.

В должности начальника штаба Главнокомандующего на Востоке я пробыл с 22 августа 1914 года по 28 августа 1916 года.

Танненберг

I

Генерал фон Мольтке и генерал фон Штейн письменно вызывали меня в ставку в Кобленц и сообщали мне, что я назначен начальником штаба 8-й армии в Восточной Пруссии. Эти письма я получил в 9 часов утра 22 августа в штабе 2-й армии, на полдороге между Вавром и Намюром. Мне их передал капитан фон Рохов.

Генерал фон Мольтке писал:

«На Вас возлагается новая трудная задача, может быть, даже более трудная, чем штурм Льежа... Я не знаю ни одного человека, к которому бы я имел столько доверия, как к Вам. Может быть Вы еще спасете положение на востоке. Не будьте злы на меня за то, что я отрываю Вас от должности в тот момент, когда Вы стоите перед решительными действиями, которые, с Божьей помощью, получают исчерпывающий характер. Вы должны принести эту жертву отечеству. Император также надеется на Вас. Конечно, на Вас не падет ответственность за то, что произойдет, но с Вашей энергией Вы можете предотвратить самое худшее. Идите же на новое призвание, самое почетное, какое может получить солдат. Вы не обманете оказанного Вам доверия».

Генерал фон Штейн, в то время генерал-квартирмейстер, а позднее военный министр, заканчивал свое письмо таким образом:

«Вы нам необходимы. Этого требуют государственные соображения. Задача очень трудная, но Вы с нею справитесь».

Еще я узнал от капитана фон Рохова, что командующим армией намечается генерал фон Гинденбург, но еще неизвестно, удастся ли его разыскать и согласится ли он на это назначение.

Я гордился своей новой задачей и тем доверием, о котором свидетельствовали письма. Идея послужить государю, армии и отечеству на решающем пункте в самый трудный момент приводила меня в повышенное настроение. Любовь к отечеству и верность государю, а также ясное представление о том, что каждый в отдельности обязан жить для семьи и для государства, являлись наследственными, вынесенными мною из родительского дома. Эти чувства остались у меня на всю жизнь. Мои родители не были состоятельными, их работа не приносила им земных благ. Мы жили очень экономно и очень просто. У нас была спокойная семейная жизнь. Мой отец и моя мать были всецело поглощены заботой о детях, нас у них было шестеро. За это я приношу своим родителям благодарность перед всем миром.

Когда я был молодым офицером, мне приходилось честным образом пробиваться в жизни. Я упорно сидел в своей скромной комнате в Везеле, в Вильгельмсгафене и в Киле и много читал по военной и по всеобщей истории, а также по географии. Мои детские познания постепенно расширялись. Я стал гордиться своим отечеством и его великими людьми. Я горячо почитал могучую и страстную личность Бисмарка. Мне ясно вырисовывалось значение династии для Пруссии и для Германии. Верность, которой я присягал, постепенно превратилась в глубокое внутреннее сознание долга. Когда я смог проследить шаг за шагом ход истории, мне стало ясно, что Германия всегда являлась полем сражения для всей Европы и что армия и флот имеют для ее безопасности первенствующее значение. Обратив свой взгляд на жизнь, я одновременно понял великое значение мирных достижений нашего отечества для всей культуры и человечества.

В 1904 году я получил назначение в отделение по стратегическому развертыванию большого генерального штаба. С этого времени началась моя непосредственная работа для армии. Венцом ее было мое выступление с проектом о миллиардных ассигнованиях.

Долгое время моим мобилизационным предназначением была должность начальника оперативного отделения штаба верховного командования. При моем назначении командиром полка в Дюссельдорф это назначение само собой отпало. Оно перешло к моему преемнику по генеральному штабу. Мое назначение, в случае мобилизации, на должность обер-квартирмейстера 2-й армии интересовало меня атакой Льежа. В остальном оно не имело ничего особо привлекательного.

Я участвовал при генерале фон Мольтке в руководстве многими полевыми поездками генерального штаба и приобрел глубокое понимание большой войны. Моя новая должность открыла мне возможность показать на деле, сумею ли я осуществить хотя бы в узких рамках идеи великого наставника генерального штаба генерала фон Шлифена. Это было высшее, что только можно было потребовать от солдата. Мне было прискорбно, что назначение выпало на меня в такой момент, когда отечество находилось в исключительно серьезном положении.

Мое внутреннее «я» и мои германские чувства толкали меня на подвиг.

Через четверть часа я уже сидел в автомобиле и ехал в Кобленц. Я миновал Вавр. Когда я был здесь накануне, город жил мирной жизнью, а теперь он был в огне. И здесь население вступило в борьбу. Это был прощальный привет Бельгии.

В 6 часов вечера я приехал в Кобленц. Я немедленно явился к генералу фон Мольтке. Он показался мне очень усталым. Здесь я получил более точные сведения об обстановке на востоке. 20 августа 8-я армия атаковала у Гумбинена русскую неманскую армию генерала Ренненкампа. Наступление, несмотря на первоначальные успехи, не дало решительных результатов. Пришлось прекратить бой. С тех пор армия находилась в полном отступлении к западу, между озером Мауер и рекой Прегель, за рекой Ангерап, а частью отходила севернее реки Прегель за реку Дейме на передовую позицию крепости Кёнигсберг. I армейский корпус должен был грузиться на железную дорогу на станциях западнее Инстербурга и перевозиться в Госларсхаузен в распоряжение штаба армии, а 3-я резервная дивизия перевозилась из Ангербурга в Алленштейн и Гогенштейн на усиление XX армейского корпуса (см. [схему 2](#)).

Слабо укрепленная линия озер между Николайкеном и Летценом находилась в наших руках. Сюда подходили только слабые части противника.

Командиру XX армейского корпуса генералу фон Шольцу была вверена южная граница Восточной Пруссии. Дивизии корпуса и прочие подчиненные ему части, а именно 70-я ландверная бригада, части гарнизона Торна и других крепостей по Висле, он сосредоточил в непрерывных боях с наревской армией генерала Самсонова к Гильгенбургу и восточнее. Наревская армия сильно теснила его.

Надо было учитывать дальнейшее движение неприятельских армий по обе стороны укрепленного барьера Мазурских озер. Генерал фон Мольтке сказал мне, что 8-я армия предполагает очистить весь район к востоку от Вислы, оставив только гарнизоны для обороны крепостей. 8-я армия, несомненно, пришла к такому решению, ожидая быстрого разрешения кризиса на западе и рассчитывая, что после этого к ней придут подкрепления, с помощью которых Восточная Пруссия будет отвоевана, а вторгнувшийся противник – разбит. На стратегических военных играх, руководимых генералом графом фон Шлифеном, такая обстановка часто разыгрывалась. Если бы эта предпосылка действительно имела место, то решение 8-й армии – сохранить свои силы для дальнейшей борьбы – было бы совершенно правильным. Однако это решение не отвечало действительности и не учитывало всей тяжести ответственности оставления противнику собственной территории. Насколько страдают районы, в которых непосредственно разворачиваются военные действия, даже при гуманном ведении войны, вновь подтвердилось мировой войной человечества. В тех условиях, в которых развивались события, отступление за Вислу вело бы нас к поражению. При превосходстве сил русских нам не удалось бы удержать линию Вислы, по меньшей мере мы не были бы в состоянии в сентябре

поддержать австро-венгерскую армию. Последовал бы полный разгром. Положение, которое я застал, было, несомненно, весьма серьезно, но в конце концов выход нашелся.

По моей просьбе был немедленно послан приказ на восток – приостановить на 23 августа отступление главных сил 8-й армии. I резервный корпус, XVII армейский корпус и главный резерв крепости Кёнигсберг остановились на дневку; I армейский корпус должен был выгрузиться не в Госларсхаузене, а не доезжая до него, в районе восточнее Дейч-Эйлау, ближе к генералу фон Шольцу. Все части крепостных гарнизонов Торна, Кульма, Грауденца и Мариенбурга, которые еще хоть сколько-нибудь могли быть использованы, надлежало перебросить в Страсбург и Лаутенбург. В состав этих крепостных гарнизонов входили только ландверные и ландштурменные части. Таким образом, в юго-западной части Восточной Пруссии образовывалась сильная группа, которая могла бы перейти в наступление. Северная группа продолжала тем временем отступление в юго-западном направлении или могла быть резко повернута на юг, чтобы принять участие в борьбе с наревской армией. Дальнейшие указания могли быть даны лишь на месте. От нового сражения русские не должны были уйти, и, конечно, в плоти и крови каждого офицера генерального штаба лежало стремление использовать разделение обеих неприятельских армий.

Я также представился его величеству императору. Его величество был в спокойном настроении, серьезно смотрел на положение на востоке и глубоко сожалел, что часть германского отечества подвергалась неприятельскому нашествию. Он думал о страданиях детей своей страны. Император вручил мне пожалованный мне за Льеж орден «Pour le merite» и высказал мне свою признательность. Гордое и трогательное воспоминание о его словах останется у меня на всю жизнь.

В 9 часов вечера экстренным поездом я выехал из Кобленца на восток. Перед самым отъездом я получил извещение, что генерал фон Гинденбург принял командование армией и в 4 часа утра сядет в поезд. В Ганновере генерал фон Гинденбург ждал уже на вокзале. Я представился ему. Мы никогда раньше не встречались. Все, что говорят о нашем предыдущем знакомстве, относится к области легенд.

Я в нескольких словах изложил обстановку, и мы разошлись спать.

Около 2 часов дня 23 августа мы прибыли в Мариенбург, где нас ожидал штаб. За это время обстановка изменилась. Решение отступить за Вислу было отброшено. Сначала надо было удерживаться на реке Пассарге. В этом направлении работали обер-квартирмейстер 8-й армии генерал Грюнерт и подполковник Гофман.

В Мариенбурге нас встретили весьма холодно. Я как будто попал в другой мир. Какая разница между Льежем и живым настроением на западе и подавленным настроением здесь. Но все быстро изменилось. Настроение постепенно повысилось, и наша совместная жизнь в штабе стала скоро таковой, какой я ее описывал уже выше.

II

Прекрасный испанский военный атташе майор Вальдивиа, находившийся в Германии во время войны, приехав в октябре 1914 года первый раз к нам в штаб в Познань, спрашивал, было ли сражение при Танненберге разыграно по заранее разработанному плану. Мой ответ был отрицательным. Он был очень удивлен; он, как и многие другие, был в этом убежден.

План развертывания может и должен быть заранее подготовлен. Бои в позиционной войне требуют приблизительно такой же подготовки. Но в маневренной войне и в сражении, выливающимся из хода маневренной войны, представления об обстановке в голове вождя меняются пестрой чередой. Из его восприятий должны сложиться решения; солдатское ремесло становится искусством, солдат – полководцем.

Идея плана сражения сложилась в своих отдельных частях постепенно между 24 и 26 августа. Существенным вопросом являлось, удастся ли оторвать от армии Ренненкамппа I резервный и XVII армейский корпус, чтобы присоединить их к другим частям 8-й армии для совместной атаки наревской армии. Это зависело исключительно от Ренненкамппа. Если он сумеет использовать успех, одержанный при Гумбинене, и будет быстро продвигаться вперед, то этот маневр становился немыслимым. В таком случае не осталось бы ничего другого, как отводить резервный и XVII армейский корпус в юго-западном направлении к Вормдиту, а другая группа 8-й армии задерживала бы тем временем наревскую армию. На крайний случай надо было обдумать пассивную оборону какой-нибудь линии восточнее Вислы.

Постепенно выяснилось, что Ренненкампп только очень медленно продвигается вперед. Ввиду этого постепенно явилась возможность оба армейских корпуса, находившихся в отступлении на линии Бартенштейн – Гердауен, резко повернуть на юг в направлении на Бишофсштейн и Нейденбург.

Сначала через Шиппенбейль и Бишофсштейн, под прикрытием 1-й кавалерийской дивизии I резервного корпуса, повернул на юг XVII армейский корпус. Когда XVII корпус благополучно проследовал позади I резервного корпуса и 26 августа двинулся от Бишофсштейна на Бишофсбург, I резервный корпус тоже двинулся, минуя с юга Шиппенбейль, в направлении на Зеебург. Только 1-я кавалерийская дивизия в районе Шиппенбейля и южнее осталась фронтом против Ренненкамппа. Еще из ее состава 1-я кавалерийская бригада получила приказание двинуться через Россель на Зенсбург. Таким образом, с 27 августа между озером Мауер и рекой Прегель против 24 очень сильных пехотных и нескольких кавалерийских дивизий Ренненкамппа стояли только две кавалерийских бригады. Озерные позиции были открыты с запада и могли быть обойдены, Кёнигсберг мог быть без труда обложен.

Решение дать сражение базировалось на учете медлительности русского командования. Наша задача – победить, несмотря на то что мы уступали в силах, глубоко оправдывала это решение, связанное со страшными трудностями.

Корпуса шли в тыл наревской армии, наступавшей из Нейденбурга на Алленштейн, но при этом они подставляли собственный тыл Ренненкамппу, удаленному на два-три перехода, при отсутствии сколько-нибудь значительного прикрытия. 27 августа сражение разыгралось полным ходом, но не закончилось, как в предыдущие войны, в один день, а затянулось до 30-го числа, а огромная армия Ренненкамппа висела как грозная туча на северо-востоке. Ему стоило только двинуться, и мы были бы разбиты. Но главные силы Ренненкамппа только незначительно продвинулись за линию Алленберг – Гердауен – Норденбург, и мы одержали блестящую победу.

Только немногие знали, какие заботы и опасения вызывала у меня неманская армия.

Чтобы XVII армейский и I резервный корпуса могли быть введены в бой самым действительным образом, само собой разумеется, другая группа 8-й армии должна была также атаковать. Но прежде всего она ни в коем случае не должна была дать себя разбить.

XX корпус с приданными к нему частями пережил очень тяжелые и напряженные дни. 23 августа он находился на высотах северо-восточнее Гильгенбурга, имея фронт, резко обращенный на юг, а противник надвигался от Нейденбурга, т. е. с юго-востока. 3-я резервная дивизия еще собиралась к западу от Гогенштейна. I армейский корпус только что приступил к высадке в Дейч-Эйлау. Правда, генералу фон Шольцу удалось отбить превосходные силы противника. Но, удерживая за собой высоты, расположенные к востоку от Гильгенбурга, ему пришлось поспешно отвести левое крыло на участок к западу от Гогенштейна, почти до Мюлена. Это движение, хотя и было крайне неприятно для войск, имело свои хорошие стороны: русские почувствовали себя победителями. Они уже не ожидали дальнейшего сопротивления германцев и тем более возможности германской атаки. Они уже видели свободный путь в германские области вплоть до самой Вислы.

24 августа мы уже были у генерала фон Шольца. Мы одновременно с ним прибыли в Танненберг. Генерал фон Шольц и начальник его штаба полковник Хель прославили в течение войны свои имена и увековечили их в истории.

Генерал фон Шольц доложил нам яркую картину блестящей работы подчиненных ему войск с начала кампании и исключительно тяжелой обстановки последних боев. Он предполагал, что противник будет продолжать атаковать его, но он сможет удержаться.

По дороге из Мариенбурга в Танненберг нам была вручена перехваченная неприятельская радиотелеграмма, которая дала нам ясную картину неприятельских мероприятий на ближайшие дни. Наревская армия должна была наступать уступами справа. VI армейский корпус должен был двигаться через Ортельсбург на Бишофсбург и 26-го числа достигнуть и, может быть, даже миновать его. XIII армейский корпус должен был идти из Нейденбурга через Пассенгейм на Алленштейн. Оказывалось, что в последние дни в боях против генерала фон Шольца участвовали XV и XXIII армейские корпуса. 26-го числа их южный уступ должен был находиться приблизительно у Ваплица. I армейский корпус, который стоял еще левее уступом позади и несколько отодвинутый к западу, должен был идти, прикрываясь несколькими кавалерийскими дивизиями со стороны Лаутенбурга и Страсбурга, через Млаву и Сольдау.

Южной группе 8-й армии предстояло с запада обрушиться на этот марш. Являлся большой соблазн – обойти с юга Сольдау, чтобы охватить и I русский армейский корпус. Поражение русской наревской армии в связи с наступлением XVII армейского и I резервного корпусов могло бы стать полным. Но сил для этого не хватало. Тогда я предложил генералу фон Гинденбургу атаковать I армейским корпусом от Дейч-Эйлау и Монтово, а правым крылом XX армейского корпуса от Гильгенбурга на Усдау и отбросить I русский армейский корпус на юг от Сольдау. Затем I армейский корпус должен был немедленно продвигаться в направлении на Нейденбург, чтобы вместе с XVII армейским и I резервными корпусами охватить по крайней мере главную массу наревской армии. Мы должны были здесь ограничить свою задачу, чтобы справиться с ней.

Атаку I и XX армейскими корпусами пришлось отложить на 27-е. Я охотно бы начал атаку раньше, но I армейский корпус не был еще готов; в железнодорожном отношении в Восточной Пруссии обстановка складывалась неблагоприятно. Командир I армейского корпуса генерал фон Франсуа справедливо настаивал на том, чтобы его корпус был полностью сосредоточен до начала атаки.

Все шло далеко не так гладко, как я это могу описать в коротких штрихах. Все войска были сильно расстроены, и вследствие непрерывных боев их численность уменьшилась. Доставка приказаний I резервному и XVII армейскому корпусам встречала много затрудне-

ний. Неприятельские кавалерийские разъезды делали местность небезопасной. Оставалось под вопросом, даст ли нам противник время привести в исполнение наш план.

В тылу группы генерала фон Шольца особенной помехой были беженцы. Их насчитывались тысячи. Одни из них шли пешком, другие своими повозками загромождали дороги. Они непосредственно примыкали к войскам. Неожиданный отход армейской группы вызвал бы самые тяжелые последствия как для беженцев, так и для войск. Но избежать этого было невозможно. Немногих имевшихся жандармов было недостаточно, чтобы направлять массы. Приходилось предоставить их самим себе. Много печальных картин они оставили в моей памяти.

III

24 и 25 августа мы находились в Ризенбурге, а 26-го – в Лебау. В течение 24 и 25 августа во многих местах мы установили соприкосновение с начальниками и с войсками.

К вечеру 26-го числа обстановка с обеих сторон была приблизительно следующая.

Генерал фон Мюльман, подчиненный I армейскому корпусу, находился с частями гарнизонов виленских крепостей в Лаутенбурге и Страсбурге, в тесном соприкосновении с неприятельской кавалерией. Сам же I армейский корпус был сосредоточен в районе Монтово и южнее и во время боя приблизился к Усдау, который был сильно занят I русским армейским корпусом. 27 августа генерал фон Франсуа был готов наступать дальше.

Правое крыло XX армейского корпуса, усиленное другими частями, получило задачу атаковать с севера Усдау и затем, когда I армейский корпус начнет наступление на Нейденбург, примкнуть к нему. 41-я пехотная дивизия должна была наступать от Гросс-Гардинен на Ваплиц; влево от нее одна ландверная бригада, 3-я резервная и 37-я пехотная дивизии должны были севернее Мюлена также вести атаку на Ваплиц и Гогенштейн. Противник надвинулся вплотную на всем фронте, Алленштейн был также занят им.

Ландверная дивизия генерала фон дер Гольца, которую высшее командование тоже отдало в наше распоряжение, подходила уже к Остероде и Бисселену. Она прибыла из Шлезвиг-Гольштейна, где она до тех пор несла службу по охране канала и побережья. Она должна была атаковать Гогенштейн с северо-запада.

I резервный корпус 26 августа достиг окрестностей Зеебурга. XVII армейский корпус к северу от Бишофсбурга, между Лаутерном и Гросс-Бесау, вел бой с одной дивизией VI русского армейского корпуса и отбросил ее в направлении на Бишофсбург. 6-я ландверная бригада, которая в течение 25 и 26 августа продвинулась из Лецена в район к северу от Бишофсбурга, тоже успешно участвовала в этом бою.

В 4 часа утра 27 августа должна была начаться атака на Усдау. Мы желали присутствовать при этом решительном бое и на месте наблюдать за согласованием действий I и XX армейских корпусов, которые были уже урегулированы приказом. Перед самым нашим отъездом из Лебау в Гильгенбург мы получили радостное известие, что Усдау уже взято. Я считал сражение выигранным. Но оказалось, что дело так далеко еще не подвинулось. Вскоре, к сожалению, выяснилось, что Усдау еще держится. Мы им овладели только к вечеру. Тактически наревская армия была теперь прорвана. I армейский корпус отбросил противника за Сольдау и двинулся на Нейденбург.

Сильно уже истощенный XX армейский корпус действовал не так успешно. 41-я пехотная дивизия у Гардинена не продвинулась. К северу также не было никакого продвижения.

Ландверная дивизия фон дер Гольца полностью собралась против Гогенштейна.

После полудня мы возвратились в Лебау не вполне удовлетворенными.

По нашем прибытии пришло донесение, что I армейский корпус разбит; его обломки прибывают в Монтово. Этому известию трудно было поверить. Немедленно по телефону была запрошена комендатура вокзала в Монтово и был получен ответ, что там собираются части I армейского корпуса. Позднее выяснилось, что речь шла только об одном батальоне, который попал в трудное положение и начал отступать. Изрядно поспешно отходившие через Лебау обозы послужили поводом к новой тревоге. На полководца рушится многое, и он должен иметь крепкие нервы. Непосвященный человек слишком легко начинает представлять себе, что на войне идет все так, как будто решается арифметическая задача с определенными данными. Но война представляет все, что угодно, только не математическую задачу. Война есть двухсторонняя борьба могучих и неведомых физических и духовных сил, а она становится тем труднее,

чем больше превосходство сил противника над нашими. Война – работа с людьми различного характера и мыслящих по-своему. Только воля полководца образует неподвижный полюс.

Люди, которые критикуют полководца, но сами не участвовали в войне на руководящем посту, должны сначала изучить военную историю. Я могу только пожелать, чтобы им когда-нибудь пришлось самостоятельно провести хоть один бой. Они испугались бы невыясненности обстановки и огромных требований, которые ставит эта ответственная задача, и стали бы более сдержанными. Только глава государства – государственный человек, который решается на войну, если он идет на нее совершенно сознательно, выносит на себе такое же или даже большее бремя, чем полководец. Но для государственного мужа вопрос сводится к одному тяжелому решению, а от полководца такие решения требуются ежедневно и ежечасно. От его решений находятся в постоянной зависимости радость и горе многих сотен тысяч людей и даже целых наций. Для солдата нет ничего более великого, но в то же время и более тяжелого, как стоять во главе одной армии или всех действующих войск (см. [схему 3](#)).

Поздно вечером в Лебау пришло донесение, что 1-й резервный корпус прибыл в Вартенбург. Перед XVII армейским корпусом русский VI армейский корпус находился в поспешном отступлении за Ортельсбург, и южнее Бишофсбурга он был еще раз отброшен. Преследование вела небольшая часть XVII армейского корпуса, главные же его силы вечером 27 августа стали на ночлег у Менсгута.

На 28 августа оставалось только отдать приказ I армейскому корпусу занять Нейденбург. Но он уже двинулся туда по своей инициативе. XX армейский корпус должен был развивать наступление, указанное ему на 27-е, атакуя особенно энергично 41-ю пехотную дивизию. Ландверной дивизии фон дер Гольца предстояло атаковать Гогенштейн. I резервный и XVII армейский корпуса продвинулись, оставив заслон к Ортельсбургу, на запад, на Алленштейн и Пассенгейм. Рано утром 28 августа мы поехали в Фрегенау и расположились у восточного выхода из этой деревни под открытым небом. Генерал фон Шольц находился поблизости. С I армейским корпусом у нас была весьма жалкая телефонная связь. С другими частями установить связь оказалось невозможно.

Первое полученное нами впечатление было неблагоприятным. Правда, Нейденбург был нами взят, но 41-я пехотная дивизия, атакующая в тумане Ваплиц, была отбита. Она очень сильно пострадала, находилась теперь западнее Ваплица и с беспокойством ожидала неприятельскую контратаку. Я командировал туда на автомобиле офицера. Он не сообщил ничего утешительного о ее состоянии. Ландвер у Мюлена не продвигался вперед. Если бы противник атаковал сосредоточенными силами правое крыло XX армейского корпуса, то тут мог бы наступить серьезный кризис. По возможности следовало сражение не затягивать. Ренненкампф в конце концов мог подойти. Но неприятель на участке 41-й пехотной дивизии бездействовал, а неманская армия не двинулась вперед.

Капитан Гартенверфер из штаба XVII армейского корпуса привез на аэроплане через неприятельскую линию фронта хорошие сведения о продвижении корпуса в тылу противника.

После полудня обстановка продолжала изменяться в нашу пользу.

Днем 3-я резервная дивизия, а позже и 37-я пехотная дивизия выиграли пространство к западу от Гогенштейна. Ландверная дивизия фон дер Гольца также ворвалась в Гогенштейн. Неприятельский фронт как будто начинал слабеть. Генерал фон Гинденбург пожелал проехать вперед в Мюлен. Мы как раз попали в момент налетевшей паники, причиненной русскими пленными, которых в большом количестве вели назад. Она произвела неприятное впечатление и распространилась далеко в тыл.

Вечером мы отправились в Остероде. Гражданские власти вследствие неудачного мобилизационного распоряжения уже покинули город. Это увеличивало беспокойство среди населения.

В положении отдельных войсковых частей мы не могли отдать себе ясного отчета. Что сражение было выиграно, не оставалось никаких сомнений, но получило ли оно характер Канн, оставалось еще невыясненным. I армейский корпус получил приказ выдвинуть отряд в Вилленберг, туда же должен был направиться и XVII армейский корпус. Надо было русским отрезать путь к отступлению.

В течение ночи мы еще получили следующие сведения: XII русский армейский корпус прошел из Алленштейна в Гогенштейн и там сильно потеснил ландвер. I резервный корпус достиг района к югу от Алленштейна; дальнейшим движением он должен был замкнуть кольцо вокруг XIII русского армейского корпуса и здесь закончить бой. I и XIII армейские корпуса должны были тем временем отрезать отступление другим частям.

29 августа утром я решил проехать в Гогенштейн, чтобы распутать смешавшиеся там части. Операция против армии Ренненкампа должна была подготавливаться независимо от того, будет ли он наступать или останется на месте.

Еще несколько случайностей имело место, прежде чем мы смогли окончательно увериться в победе.

Рано утром 29 августа⁵ мы узнали из донесений летчика, что неприятельский армейский корпус движется с юга на Нейденбург и уже приближается к городу. Следовательно, он с тыла подходил к I армейскому корпусу, который дрался фронтом на север против отступающих русских. Почти одновременно последовал телефонный вызов из Нейденбурга. Нам было сообщено, что по городу ложатся неприятельские шрапнели, затем разговор оборвался. Все имевшиеся свободные силы были высланы по направлению к Нейденбургу, чтобы поддержать I армейский корпус в ожидавшемся бою. Но генерал фон Франсуа справился с положением своими силами, а противник действовал менее решительно, чем ему позволяла обстановка.

После того как все приказы были отданы, я выехал в Гогенштейн. Дорога пересекала поле сражения, и оно произвело на меня глубокое впечатление. Восточнее Гогенштейна в общей массе тянулись наши колонны и пленные русские. Навести среди них порядок было нелегко. I резервный и XX армейский корпуса расположились вдоль дороги между Алленштейном и Гогенштейном. Штаб армии имел, таким образом, по крайней мере два корпуса в своих руках.

Бой подходил к концу, 3-я резервная дивизия глубоко прорвалась сквозь противника и прибыла в Мушакен, к востоку от Нейденбурга. Другие же части достигли Вилленберга. Появившиеся здесь позднее русские, бежавшие по пересеченной лесистой местности, пробовали еще в нескольких пунктах прорвать германское кольцо. 30 августа, в особенности около Мушакена, дело дошло до серьезных боев, но в судьбе сражения уже ничего нельзя было изменить.

Генерал Самсонов застрелился. Он был погребен неузнанным недалеко от Вилленберга. Его жена, которая приехала по делам военнопленных в Германию, установила могилу мужа по медальону, который при погребении был снят с покойного генерала как отличительный признак. Взятые в плен русские командиры корпусов прибыли в Остероде и представились генералу фон Гинденбургу.

Число пленных и количество военной добычи общеизвестны.

Потери противника убитыми и ранеными также были тяжелы. Распространенный рассказ, что русские были тысячами загнаны в болото и там погибли, – миф. По соседству нигде даже не было болота.

Было выиграно одно из самых блестящих сражений во всей мировой истории. Победившие войска перед тем уже неделями находились в боях, частью неудачных. За это мы должны быть обязаны устройству войск в мирное время. Этот бой является славной страницей для вождей и войск, для офицеров и солдат и для всего отечества.

---

⁵ Людендорф ошибается на один день – это было 30 августа. – *Примеч. ред.*

По моему предложению, это сражение было названо битвой при Танненберге, в воспоминание того боя, в котором Тевтонский орден был разбит союзными литовской и польской армиями. Неужели германцы допустят, чтобы литовцы и особенно поляки нас осилили? Неужели должна погибнуть вековая германская культура?

Я не мог от всей души радоваться этой колоссальной победе, армия Ренненкампа ложилась на нервы тяжелым бременем. Но мы были горды этим боем. Прорыв и охват, сильная воля к победе и в то же время разумная сдержанность привели к полному успеху. Несмотря на нашу меньшую численность, на востоке нам удалось сосредоточить на поле сражения силы, приблизительно равные силам противника. Я думал о генерале графе фон Шлифене и был благодарен ему как наставнику.

В Алленштейне в лютеранской церкви генерал фон Гинденбург и я принесли Всемогущему Богу благодарственную молитву.

У меня не было ни минуты отдыха; я должен был подготовить группировку армии для дальнейшей операции. Заканчивать одно сражение и немедленно приступить к подготовке следующего – необыкновенно трудная задача.

В промежутки между ними предстояло упорядочить бесконечно многое. Надо было торопиться с эвакуацией пленных, так как при неустойчивости положения большое количество их представлялось обременительным.

Я получил Железный крест 2-й степени и с гордостью надел его. До сих пор, когда я вспоминаю Льеж и Танненберг, мое сердце наполняется чувством справедливого удовлетворения. С течением войны Железный крест потерял свою первоначальную ценность – грустное, но вполне естественное явление. Но всякий, кто его честно заслужил, должен носить его с гордостью.

IV

Победоносное шествие германской армии на западе продолжалось. Ввиду этого высшее командование предполагало усилить 8-ю армию тремя корпусами с запада. Телеграмма, уведомляющая об этом подкреплении, была получена к началу сражения при Танненберге. Позднее меня запросили, может ли быть отменена посылка одного корпуса. Я вообще не просил подкреплений и выразил согласие. Прибыло всего два корпуса, гвардейский резервный и XI армейский, а также 8-я кавалерийская дивизия. Решение ослабить Западный фронт оказалось преждевременным. К сожалению, на востоке мы этого не могли предусмотреть. Сведения, поступавшие с запада, являлись до сих пор весьма благоприятными. Особенное значение получило то, что предназначенные для востока подкрепления были взяты с правого крыла, на котором лежала решительная задача, а не с левого, которое, после закончившихся уже боев в Лотарингии, было слишком сильно. Третий же армейский корпус, предназначавшийся к переброске на восток, был задержан на левом крыле.

В Галиции обстановка уже складывалась неблагоприятно. Главные силы русских двинулись против австро-венгерских армий и в конце августа разбили их восточнее Львова. К началу войны австро-венгерская армия была далеко не совершенным орудием для боя. Если бы мы перед войной действительно имели агрессивные намерения, мы должны были бы настаивать, чтобы Австро-Венгрия усовершенствовала свои вооруженные силы. Также надо было бы развить железнодорожную сеть, которая являлась абсолютно неудовлетворительной. Все-таки остается глубокой ошибкой, что мы это допустили. Тройственный союз был только политическим союзом, союз же между Францией и Россией носил определенный военный характер. Этим объясняются большие начальные преимущества наших противников.

Наше соглашение с Австро-Венгрией о совместной войне также было малоудовлетворительно. Генерал граф фон Шлифен опасался нарушения тайны, что в действительности и случилось. Общий операционный план был составлен поэтому только в весьма грубых чертах. Развертывание австро-венгерских армий впереди реки Сана могло быть оправданно лишь в том случае, если бы силы одних австрийцев и венгерцев имели бы превосходство над русскими, как это и признавалось весьма многими австро-венгерскими офицерами, или если бы германцы могли одновременно начать наступление через Нарев. Но последнее мы не были в состоянии развить, так как те три корпуса, на которые надеялся генеральный штаб, не были включены в последнее увеличение армий. Кроме того, теперь, вследствие отпадения Италии, приходилось усиливать Западный фронт.

По нашим старым военным соглашениям с Италией, три итальянских армейских корпуса и две кавалерийские дивизии должны были развернуться в Эльзасе, а главные силы, за исключением береговой обороны, в Северной Италии. Одновременно итальянский флот должен был прервать сообщение между Францией и ее североафриканскими колониями. Известное время с этим договором считались, но затем он отпал. Исключительно по желанию начальника итальянского генерального штаба генерала Полно этот проект стал снова разрабатываться.

Летом 1914 года, незадолго до войны, генерал Полно скончался. Франция могла оставить свою южную границу открытой. Она могла все свои силы направить на нас, так как знала наверняка, что Италия выступит не на нашей стороне. Наш бывший союзник сильно нам повредил. Нельзя отрицать серьезности положения Италии, если Англия оказывалась на противной стороне; кроме того, у Италии были трения с Австро-Венгрией. Но эти обстоятельства существовали искони и не помешали Италии вступить в союз с Австро-Венгрией и с нами. Она извлекла из него крупные выгоды. Мы должны были, по крайней мере, ожидать, что Италия будет чувствовать себя обязанной нам. Конечно, здоровый национальный эгоизм понятен, он должен жить в каждом народе, но существуют известные заповеди этики, которые не терпят

нарушения. Италия же их переступила. Понятно, что в течение четырех лет войны мы высказывали отрицательные суждения о ее поведении.

В конце августа нельзя было отрицать трудности положения австро-венгерских армий, имевших против себя подавляющее большинство русских. Начальник австро-венгерского генерального штаба генерал фон Конрад, со своей точки зрения, был совершенно прав, когда требовал от нас наступления через Нарев. Но так как 8-я армия уступала в силах Ренненкампу, то это было неосуществимо. Всякое движение в направлении на Млаву и на Пултуск в любой момент могло быть остановлено наступлением Ренненкампа на линию Алленштейн – Эльбинг. Ничего другого не оставалось, как сначала разделиться с русской неманской армией.

Хотя Ренненкампу под впечатлением сражения под Танненбергом и оттянул передовые части на несколько километров назад, все-таки казалось, что он собирался держаться между рекой Прегель и озером Мауер. 8-й армии приходилось давать второе сражение и сосредоточить на нем все силы.

В развитие этого намерения подкрепления, перевозившиеся с запада, были высажены на участке между Алленштейном и Эльбингом, а прежние силы 8-й армии развернулись для наступления на линии Вилленберг – Алленштейн.

У Сольдау охранять границу были оставлены слабые силы, они должны были продвигаться в Польшу в направлении на Млаву.

Закончив развертывание, мы хотели атаковать широкий фронт Ренненкампа между рекой Прегель и озером Мауер и охватить его левое крыло с юга через Летцен. При этом на долю нашего крайнего южного крыла выпадало прикрывать армию со стороны Августова и Осовца, куда ожидалось прибытие неприятельских войск. Ввиду этого сосредоточившаяся 8-я армия должна была сражаться в трех группах: между рекой Прегель и озером Мауер, у Летцена и в направлении на Лык.

В начале сентября развертывание было закончено следующим образом:

Гарнизоны висленских крепостей находились у Сольдау,

Ландверная дивизия фон дер Гольца у Нейденбурга,

3-я резервная дивизия и I армейский корпус у Вилленберга и Ортельсбурга и 1-я кавалерийская бригада к западу от Иоганнесбурга,

XVII армейский корпус у Пассенгейма,

XX и XI армейские и I резервный корпуса в Алленштейне и по обе его стороны,

Гвардейский резервный корпус продвигался от Эльбинга к нижнему течению реки Пассарги,

8-я кавалерийская дивизия продвигалась в направлении на Летцен,

7-я кавалерийская дивизия, за исключением 1-й кавалерийской бригады, стояла против неманской армии и в дальнейшем должна была тоже вести наступление на Летцен.

Главный резерв Кёнигсберга удерживал линию реки Дейме.

Туда же должны были подойти главный резерв Познани и ландверная дивизия графа фон Бредова, но к сражению они опоздали.

Колоннам и обозам I резервного и XVII армейского корпусов, которые первоначально находились в отступлении за реку Пассаргу, пришлось выполнить весьма сложное движение. Но в конце концов они без слишком больших трений прибыли на свои участки развертывания.

Русская кавалерия, перед которой наша 1-я кавалерийская дивизия вынуждена была отступать, временно проникла глубоко на запад до реки Пассарги, на участке ниже Вормдита, но не произвела при этом каких-либо имеющих военное значение разрушений. Так, например, совершенно непонятным образом она не разрушила магистраль Эльбинг – Кёнигсберг.

Для нас, конечно, имело большое значение как можно скорее открыть эксплуатацию железных дорог, и в особенности тех, которые мы повредили при нашем отступлении от Гумбина. Особенное значение имел узел Коршен. Там должны были быть выполнены основа-

тельные работы по разрушению, но через 48 часов после того, как мы его вновь заняли, он был приведен в исправность. К нашему благополучию оказалось, что разрушения не были выполнены столь фундаментально, как я этого ожидал. Войска не имели еще достаточного опыта. Необходимы были особые технические указания – это мне послужило уроком для будущего.

V

4 сентября началось наступление против армии Ренненкампа. 7-го числа гвардейский резервный, I резервный и XI и XX армейские корпуса подошли вплотную к неприятельским позициям между рекой Прегель и озером Мауер, на линии Велау – Гердауен – Норденбург – Ангербург, и в последующие дни приступили к планомерной атаке. В большинстве случаев, в особенности в XX армейском корпусе, бои протекали не особенно удачно. Русские дали решительный отпор. У противника были сильные и искусно укрепленные позиции. Имевшимися в нашем распоряжении боевыми средствами и боевыми припасами мы никогда не овладели бы этими позициями, если бы не сказался намеченный обход через Летцен и укрепления озерной линии.

Восточнее Летцена, который до сих пор храбро отбивал неприятельские атаки, сначала, казалось, также не все шло удачно. XVII армейский корпус и 1-я и 8-я кавалерийские дивизии, направлявшиеся через крепость, в течение 8 и 9 сентября очень медленно продвигались в озерном районе к северо-востоку от Летцена. У Круглаукена и Посесерна им пришлось выдерживать трудные бои. I армейскому корпусу, который был двинут через Николайкен и Иоганнисбург, пришлось восточнее озерной линии резко повернуть на север. К вечеру 9 сентября он открыл дорогу XVII армейскому корпусу; 3-я резервная дивизия, за которой следовала ландверная дивизия фон дер Гольца, продолжала наступление через Бялу на Лык. Уже 8 сентября, у Бялы, они наткнулись на превосходящие силы противника.

Это также была операция неслыханной дерзости. Неманская армия состояла из 24 пехотных дивизий⁶ и сама по себе сильно превосходила нашу 8-ю армию, имевшую в своем распоряжении от 15 до 16 пехотных дивизий. К тому же в русской дивизии насчитывалось 16 батальонов, а в нашей в то время – еще 12. К силам русских надо прибавить еще от 4 до 6 дивизий, которые сосредоточивались в Осовце и Августове. В любой момент и в любом месте эти силы могли быть стянуты для нанесения нам удара с огромным превосходством в числе. Опасность особенно угрожала, нашему правому крылу, выдвинувшемуся восточнее озер. Оно могло быть раздавлено. Но даже в этом положении мы ни одной минуты не колебались дать сражение. Мы могли рассчитывать на наше превосходство в выучке. Танненберг также дал нам большой моральный перевес.

Штаб армии охотно бы усилил правое крыло, с этой целью в нашем распоряжении была удержана к западу от озер одна дивизия XX армейского корпуса. Но ее пришлось, *вернуть* корпусу. Растяжка приблизительно на 50 километров четырех корпусов, направленных для атаки неприятельского фронта, была довольно значительна. К тому же штаб гвардейского корпуса опасался контратаки русских и ввиду этого сосредоточивался теснее. Северное крыло должно было дотягиваться до реки Прегель, иначе противнику открывалась возможность охватить 8-ю армию. Крыло, предназначенное для обхода, не могло быть сделано сильнее, чем это было нами первоначально намечено. Оставалось только ждать, разовьется ли атака успешно или нет. Решение и здесь должно было дать оружие. Мы должны были сделать все возможное, чтобы обеспечить желанный результат.

Рано утром 10 сентября пришло важное известие, что севернее Гердауена, против I резервного корпуса, противник ночью очистил позиции. Это был результат успешных боев I и XVII армейских корпусов вечером 9 сентября. I резервный корпус занял эту позицию и намеревался продолжать наступление. Можно себе представить, какая радость охватила штаб армии. Опять был достигнут крупный успех, но окончательного решения еще не было. Рус-

⁶ Силы армии Ренненкампа сильно преувеличиваются всеми германскими писателями. В действительности она в бою под Гумбиненом насчитывала только 6 дивизий, а к 10 сентября была усилена до 14 пех. дивизий. – *Примеч. ред.*

ская армия еще отнюдь не была разбита. К северо-востоку от Летцена мы одержали только местные успехи. Предстояло развить энергичное фронтальное преследование и врываться в ряды отступающего противника. Тем временем охватывающее крыло продолжало наступление в направлении к шоссе Вержболово – Ковно, обходя с востока Роминтенскую рошу. Мы стремились при этом, насколько возможно, прижать русских к Неману. Но в то же время приходилось учитывать, что Ренненкампф и теперь еще был в состоянии совместно с подкреплениями, находившимися далее к югу, повести в любом направлении сильную атаку. Наш фронт был повсюду очень редок, но обе северные группы, которые до сих пор разделялись озером Мауер, теперь вновь соединились. Все-таки положение продолжало оставаться весьма напряженным. Войскам предстояли новые задачи. Они должны были, наступая по многим путям, в тесной взаимной связи непрерывно преследовать противника и вцепляться в него, где бы он ни остановился. Но при этом, в целях уменьшения потерь, надо было выжидать содействия соседних колонн, на обязанность коих ложилось выполнение местных охватов. XVII корпус и особенно I армейский корпус и 1-я и 8-я кавалерийские дивизии должны были все вновь и вновь охватывать. Направления движений для отдельных колонн, начиная с левого крыла, были следующие:

Главный резерв Кёнигсберга – Кёнигсберг – Тильзит,

Гвардейский резервный корпус – Грос – Аудовенен,

I резервный корпус – Инстербург – Пилькален,

XI армейский корпус – севернее Даркемена-Гумбинен – Сталюпенен,

XX армейский корпус – Даркемен – середина расстояния между Вержболовым и Выштынецким озером,

XVII армейский корпус – севернее Роминтенской роши на Выштынец,

I армейский корпус – южнее Роминтенской роши на Мариамполь,

8-я и 1-я кавалерийские дивизии предшествовали I армейскому корпусу в направлении на шоссе Вержболово – Ковно.

Движение протекало не совсем так, как я ожидал. Трудно было отличать свои части от противника. Иногда две наши колонны вступали между собой же в перестрелку. Войска слишком энергично атаковали фронтально, не выжидая подхода соседних колонн. Самым крупным недоразумением явилось заявление XI армейского корпуса 11 сентября, что он атакован превосходящими силами противника. Этот случай был возможен, мы должны были учесть его. При взаимоотношении сил наших и противника фронт нуждался в непосредственной тактической поддержке охватывающих корпусов. Поэтому мы должны были решиться XVII и I армейские корпуса двинуть круче на север, чем это предполагалось первоначально. Через несколько часов выяснилось, что сообщение XI армейского корпуса ошибочно. Но приказ охватывающему крылу был уже отдан. Позднее корпуса опять были повернуты на прежние направления, но все же полдня, по крайней мере, было потеряно.

Успехи 8-й армии были выдающимися. Все наступление, за четыре дня которого было пройдено много более 100 километров, было победоносным шествием войск, уже ослабленных продолжительными боями и всякого рода лишениями и усилиями. Это особенно относится к коренным частям 8-й армии; гвардейский резервный корпус и XI армейский корпус храбро сражались на Западном фронте под Намюром, но до сих пор все-таки еще не переживали столь тяжелых дней.

Результаты этого сражения не так бросаются в глаза, как сражение при Танненберге. Недоставало воздействия на тыл противника, оно было невозможно. Противник не остался на месте, а отступил, так что оказалось возможным только фронтальное и фланговое преследование. Под Танненбергом захвачено свыше 90 000 пленных, теперь же мы насчитали 45 000. Но всего, что при данных условиях можно было достичь, мы достигли.

В сущности, Ренненкампф как будто вообще и не думал о серьезном сопротивлении. Во всяком случае он очень своевременно начал отступление и двигался по ночам. Наши лет-

чики указывали дороги, по которым двигались колонны, но их донесения звучали слишком неопределенно. Русские сумели организовать отступление и продвигали массы по местности без дорог.

Нашим непрерывным наступлением, связанным с охватом, мы так энергично гнали русскую армию, что она в полном беспорядке отошла за Неман. На ближайшие недели эту армию, без усиления ее новыми войсками, можно было считать не вполне боеспособной.

Сражение у Мазурских озер не было оценено по достоинству. Это было широко задуманное и планомерно проведенное решительное сражение против значительно превосходящего противника. Оно было связано с крупным риском, но противник не признавал своей силы; он даже ни разу не довел до конца боя и уклонялся чересчур поспешным отступлением. Под нашим давлением это отступление приняло характер бегства.

В стороне от главного поля сражения успешно действовали 3-я резервная дивизия энергичного генерала фон Моргена и ландверная дивизия генерала фон дер Гольца. 8 сентября у Бялы они столкнулись с превосходящими силами противника и разбили подходившие русские подкрепления. Этим они устранили серьезную опасность для армии, сражавшейся далее к северу. Генерал фон дер Гольц остановился перед Осовцом. Генерал фон Морген захватил после оживленного боя Августов и Сувалки. Великий князь Николай Николаевич намеревался помочь оттуда Ренненкампу, но это ему не удалось.

13 сентября сражение в существенных частях закончилось. К этому дню войска группировались приблизительно так:

Крепостные гарнизоны генерала фон Мюльмана – у Млавы; ландверная дивизия фон дер Гольца – перед Осовцом; 3-я резервная дивизия – у Августова и Сувалок,

1-я и 8-я кавалерийские дивизии 1-й армейский корпус	выдвинуты в направлении на Мариамполь,
XVII армейский корпус XX армейский корпус	впереди линии Выштынец — Вержболово,

XI армейский корпус – севернее Вержболова,

I резервный корпус – Владиславов,

Гвардейский резервный корпус был уже оттянут севернее Велу,

Главный резерв Кёнигсберга – в Тильзите.

Таким образом, в центре поля сражения различные корпуса очень тесно сблизались друг с другом. Отчасти им уже не хватало пространства, и они, естественно, являлись первыми освободившимися для дальнейших операций частями. Уже при начале наступления против Ренненкампа не могло быть никакого сомнения, что оно не будет развито за Неман. Я все время не оставлял мысли, покончив с Ренненкампом, начать наступление на Нарев. Часть войск должна была быть оставлена для обеспечения восточной границы Восточной Пруссии, остальные силы – перейти через южную границу для совместных действий с австро-венгерской армией, как это мыслил генерал фон Конрад. Соответствующие распоряжения уже отдавались, но им не суждено было осуществиться.

Штаб 8-й армии в течение всего времени победоносного шествия войск из Алленштейна на вражескую территорию непосредственно следовал за ними. Я постоянно настаивал на том, чтобы мы сохраняли тесное соприкосновение с отдельными начальниками и войсками. Для

передачи приказаний и доставки донесений это было безусловно необходимо, так как технические средства связи были еще далеко не совершенны. Телефонные перспективы в Восточно-Прусской провинции были весьма посредственны. Служащие отчасти покинули свои места, радиостанции действовали хорошо, но они имелись только в кавалерии и в штабе армии. Ввиду этого моим главным прибежищем являлись автомобили и посылка офицеров моего штаба. Сотрудники добровольного автомобильного корпуса в роли шоферов вели выдающуюся работу. Они совершали поездки, которые напоминали дерзкие пробеги кавалерийских разведов. Немногочисленные легчики были полностью использованы для разведок; для службы связи пользоваться ими я не мог. Несмотря на ограниченность средств связи и осведомления, все же удавалось постоянно быть ориентированным и своевременно рассылать приказы штаба армии. Мне самому много приходилось говорить по телефону; я подгонял, где это представлялось целесообразным, и входил в частности, когда считал это необходимым для общего успеха. Такие личные сношения с начальниками штабов были полезны, они давали возможность непосредственно выслушивать и воздействовать.

У нас был ряд новых ночлегов. В Норденбурге мы первый раз попали в город, который продолжительное время был занят русскими. Там все было невероятно загрязнено. Весь рынок был полон нечистот. Помещения были тошнотворно запахканы.

В Инстербурге мы жили в гостинице «Дессауский двор», это помещение только что перед тем покинул Ренненкампф. Великий князь Николай Николаевич тоже лишь в последний момент уехал из города⁷.

Нам представлялось возможным обстоятельно осмотреть русские позиции. Всеми нами владело чувство глубокого удовлетворения, что нам не пришлось их штурмовать, так как это стоило бы нам больших потерь.

В августе и сентябре многие русские части вели себя при вторжении в Восточную Пруссию образцово. Винные погреба и склады охранялись. Ренненкампф поддерживал в Инстербурге строгую дисциплину. Но война все-таки сопровождалась бесконечным ожесточением и большими ужасами. Казаки были свирепы и дики, они жгли и грабили. Многие жители были убиты, совершались насилия над женщинами, часть населения рассеялась. В большинстве случаев в этих жестокостях не было никакого смысла. Население не оказывало ни малейшего сопротивления. Оно было покорно и, что соответствует и нашим взглядам, не принимало участия в борьбе. Вся ответственность за эти злодеяния ложится на русских⁸.

Русская армия легла тяжелым бременем на Восточную Пруссию. Теперь у нас было гордое чувство, что мы освободили германскую землю от врага. Ликование и благодарность населения были велики. Страна была освобождена не для того, чтобы вновь попасть под чужое иго. От такого позора да сохранит нас Бог.

14 сентября в Инстербурге мы находились в полном ощущении победы и великих достигнутых результатов. Тем неожиданнее было для меня внезапное мое назначение начальником штаба Южной армии, которая должна была формироваться под начальством генерала фон Шуберта в Бреславле.

---

⁷ Всю германскую печать обошло утверждение инстербургского трактирщика, что у него до последней минуты располагался русский Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Трактирщик принял за Верховного главнокомандующего одного из молодых великих князей, служивших в гвардейской кавалерии. Великий князь Николай Николаевич в Восточную Пруссию в течение всей войны не въезжал. — *Примеч. ред.*

⁸ Прусские ландштурмисты, ушедшие с продвижением русских в подполье, несомненно, производили нападения на одиночных русских солдат и офицеров. Создалось то же положение для русских в Восточной Пруссии, какое испытали германцы в Бельгии. Лamentации Людендорфа довольно беспредметны. — *Примеч. ред.*

VI

На западе германское наступление закончилось неудачей.

Правое крыло западной германской армии было недостаточно сильно и захватывало недостаточный фронт. Удаление гвардейского резервного и XI армейского корпусов зловеще дало себя знать. Наоборот, это крыло следовало усилить корпусами из Лотарингии и Эльзаса. Это вытекало и из этюдов генерала графа фон Шлифена. Вразрез с теориями графа фон Шлифена развернувшиеся там войска надвинулись к линии Люневиль – Эпиналь настолько вплотную, что оказались там пригвожденными. То же самое случилось бы со всеми армиями, если бы мы не двинулись через Бельгию, а сохранили правое крыло южнее Лонгви. В то время, как мы истекали бы кровью на барьере французских крепостей Верден – Бельфор, наше правое крыло было бы атаковано со стороны Бельгии союзными франко-англо-бельгийскими армиями и было бы разбито. Одновременно мы потеряли бы Нижнерейнскую промышленную область; наше поражение стало бы безусловным.

Был отдан приказ об отступлении от Марны. Мне не удалось установить, имелись ли для этого основания или нет.

Теперь война должна была затянуться надолго и потребовать от отечества невероятного напряжения. Настал час, когда в Германии действительно все должно было быть поставлено на ноги для войны, и с этой целью должна была начаться большая агитационная работа. В конце октября 1914 года я был в Берлине и меня поразило господствовавшее там настроение. Исключительная серьезность нашего положения абсолютно не давала себя знать.

Для двойственного союза Германии и Австро-Венгрии явилось тяжелым и зловещим событием, что, уступая в числе и будучи со всех сторон обставлены врагами, немцы сразу же решительным ударом не покончили с навязанной им войной и не разбили превосходящего по числу, но менее обученного противника. Если можно было ожидать, что на стороне немцев, благодаря их крепким традициям, еще надолго сохранится известный перевес, то надо было учитывать, что с течением войны различие в степени обученности между противными сторонами сгладится. Сильная убыль кадровых офицеров могла опасно сказаться. Во всяком случае, чтобы превосходство противника в числе было менее чувствительно, надо было напрячь все усилия, чтобы обеспечить за нами превосходство в выучке.

Мы особенно должны были готовиться к тому, что Англия использует время, чтобы увеличить свою боевую силу и создать наравне с флотом и сильную армию. Людей для этого было достаточно. Чтобы, несмотря на все, выиграть войну, мы должны были ничего не упустить. Вся Германия должна была превратиться в военный лагерь. Это было моим новогодним пожеланием к 1 января 1915 года, посланным мной в одну из газет. Осенью 1914 и зимою 1914/15 года Верховное военное командование сформировало от 18 до 20 дивизий. Мы создавали новые дивизии из ландверных и ландштурменных частей. Мы начали уменьшать число батальонов в дивизии с 12 до 9, а из сэкономленных батальонов с добавком к ним артиллерии и специальных частей формировали новые дивизии. Мы делали многое, но во всех отношениях все же недостаточно.

8-я армия, несомненно, находилась теперь в состоянии предоставить несколько корпусов для отправки на запад. Мне не известно, обсуждало ли верховное командование этот вопрос, или же ввиду трудного положения австро-венгерской армии совершенно не поднимало его. К моему глубокому сожалению, как я это теперь увидел, австро-венгерская армия была совершенно разбита и отошла с огромными потерями за реку Сан. Русские следовали за нею; русское вторжение в Моравию, а затем в Верхнюю Силезию стало возможным. Надо было помочь австро-венгерской армии, иначе она могла быть уничтожена. Наступление 8-й армии через Нарев, которое обдумывалось в начале сентября, теперь было бы ударом по воздуху. Подкреп-

ления должны были подойти непосредственно, и надо было придать им возможно большую силу. Западный же фронт усилить мы были не в состоянии.

Приказ, который я получил вечером 14 сентября в Инстербурге, гласил, что два корпуса из состава 8-й армии должны были образовать Южную армию в Верхней Силезии. Это предприятие как будто имело в виду только отпор и являлось только оборонительным. Во всяком случае, оно было недостаточным, чтобы хоть в какой-нибудь степени восстановить положение в Галиции. Нам нельзя было только отражать, мы должны были действовать. Ввиду этого я по телефону немедленно переговорил с верховным командованием и лично с генералом фон Мольтке и предложил отправить главные силы 8-й армии под командованием генерала фон Гинденбурга в Верхнюю Силезию и Познань. Только слабые силы должны были оставаться для обеспечения Восточной Пруссии на тот случай, если русские со свежими силами опять начнут вторжение в эту несчастную страну. Во всяком случае, я надеялся, что до этого момента еще имеется время. Еще в течение операции на всякий случай было дано распоряжение об усилении и развитии укреплений Летцена и озерной позиции. Мы налегали на то, чтобы не только составлялись проекты, но и соответственные работы энергично бы велись в действительности. Линия реки Ангерапа тоже должна была быть укреплена. Эти мероприятия отвечали изменившейся обстановке и в дальнейшем себя окупали.

Генерал фон Мольтке обнадежил меня, что мое предложение будет рассмотрено, и кратко сообщил мне о резком изменении обстановки на западе. До сих пор до нас доходили только случайные *слухи*. Генерала фон Мольтке положение на западе глубоко волновало. Это был мой последний служебный разговор с этим выдающимся человеком. Он остро схватывал военные вопросы и умел необычайно ясно разбираться в обстановке крупных операций. Но он не был решительным человеком и был настроен скорее мирно, чем воинственно; мне вспоминаются многие его беседы. В последние месяцы перед началом войны его здоровье, несмотря на повторный курс лечения в Карлсбаде, сильно пошатнулось.

В эти дни руководить операциями начал военный министр генерал фон Фалькенгайн.

Вечером 14 сентября я распрощался с генералом фон Гинденбургом и с товарищами. Мне было нелегко после двух побед покидать командующего и штаб армии. Генерал фон Гинденбург постоянно одобрял мои предложения и охотно брал на себя ответственность за них. Мы были одинаково мыслящими людьми, и между нами создались отношения, построенные на взаимном доверии. В штабе царствовало полное согласие во всех военных вопросах.

Рано утром 15 сентября я оставил Инстербург и на автомобиле отправился через Грауденц и Торн к месту своего назначения в Бреславль. Круг моей дальнейшей деятельности был мне абсолютно неясен. Он казался мне уже моей прежней ответственной деятельности. Но вскоре я нашел более широкое и важное поле действий.

Осенняя кампания 1914 года в Польше

I

Поездка в Бреславль была далеко не веселой. Я проезжал через Алленштейн и там пообедал в той же гостинице, в которой я недавно жил. Мирная жизнь постепенно входила в колею. Днем я был в Грауденце. После этого началась буря и дождь. Я проехал Бромберг и темной ночью добрался до Познани. Мой отец происходил из померанской купеческой семьи и прожил там до конца Франко-прусской войны 1870–1871 годов. Я тоже жил в Познани и был рад снова ее увидеть. С 1902 по 1904 год я был там старшим офицером генерального штаба при штабе V армейского корпуса. На этой должности, а также на предыдущей, когда я был офицером генерального штаба при штабе 9-й дивизии в Глогау, мне предоставлялась возможность изучить трудные условия Познанской провинции. На одном маневре я побывал в районе Ярочина и Плешена. Польский национальный дух не был благодарен нам за то, что мы дали полякам. Правы были те, кто постоянно предостерегал Германию об их стремлениях. Я с глубокой болью слежу за печальным периодом развития, наступившим для моей родной провинции.

Рано утром 16 сентября я прибыл в Бреславль. Вскоре мне передали телеграмму, в которой верховное командование соглашалось с моим предложением, сделанным вечером 14 сентября. Генерал фон Гинденбург с главными силами 8-й армии должен был следовать в Верхнюю Силезию для непосредственной поддержки австро-венгерской армии. Эти силы образовывали 9-ю армию.

В Восточной Пруссии в составе 8-й армии остались: 1-я кавалерийская дивизия, I армейский и I резервный корпуса, 3-я резервная дивизия, ландверная дивизия фон дер Гольца, несколько ландверных бригад, главный резерв Кёнигсберга, а также гарнизоны висленских крепостей, за исключением 35-й резервной дивизии, составленной преимущественно из гарнизона Торна. Командующим 8-й армией был назначен генерал фон Шуберт.

9-я армия была образована из 8-й кавалерийской дивизии, XI, XVII и XX армейских корпусов, гвардейского резервного корпуса, 35-й резервной дивизии и ландверной дивизии генерала фон Бредова. Предстояло установить ее развертывание. Прикрывать его должен был ландштурм, растянутый на охране границы на польской территории, на обширном фронте от Катовиц до Торна.

Штаб 9-й армии стремился сосредоточить ее между Бейтенем и Плешеном. Верховное командование считало необходимым, принимая во внимание австро-венгерскую армию, сдвинуть район развертывания более энергично к югу, чтобы германская поддержка более бросалась в глаза Австро-Венгрии и ее армии. Таким образом, правое крыло 9-й армии – XI армейский корпус – направлялось в Краков, левое было соответственно отодвинуто на юг. Близкое соприкосновение с австро-венгерской армией, естественно, ограничивало свободу операций 9-й армии. Но особенного ущерба от этого, однако, не происходило.

17 сентября генерал фон Гинденбург прибыл с частью штаба в Бреславль. Мы еще раз оказались призванными для совместной работы на важнейшем пункте театра войны.

Уже рано утром 18 сентября я выехал в Ней-Сандец, в ставку австро-венгерских войск. Несмотря на пасмурную, даже дождливую погоду, поездка дала мне новые впечатления. Верхняя Силезия со своей высокой культурой до сих пор оставалась мне неизвестной. В Галиции я познакомился с самой грязной страной Европы и получил представление о польском хозяйстве. Особенно отсталыми в Галиции были польские евреи; они были еще менее культурны, чем их единоверцы и соплеменники в Польше. Вина ложится не на один этот народ, но и на правящих им.

В Ней-Сандеце я представился эрцгерцогу Фридриху. Это был человек с горячим немецким сердцем и настоящими солдатскими чувствами. Я с уважением вспоминаю о нем. Душою руководства операциями австро-венгерской армии являлся генерал фон Конрад. Это был умный, духовно-эластичный и значительный генерал⁹. Он был умственно исключительно одаренный полководец и постоянно давал новый импульс австро-венгерской армии. Это останется навеки его заслугой. Но австро-венгерская армия была недостаточно сильна, чтобы в каждом отдельном случае осуществлять его смелые проекты. В мирное время для армии делалось слишком мало. В мирное время ею явно пренебрегали; на родине она не встречала того обязующего к подвигу отношения, как наша армия в Германии. Цвет строевого офицерского состава, который соединял армию в одно целое, несмотря на вражду отдельных национальностей, был уже выбит. Те, которые еще оставались, во многих отношениях оставляли желать лучшего и не являлись больше связующим звеном армии. Хорошие, храбрые солдаты также уже полегли на полях сражений. Австро-венгерская армия была совершенно иначе воспитана, чем германская. Генерал фон Конрад до этого времени не особенно высоко ценил наши приемы мирного обучения. Теперь он мне откровенно высказался за его основы. Он полагал, что не может быть достаточно оценено именно все то, что содействует укреплению дисциплины. Австро-венгерский генеральный штаб слишком увлекался теорией и был чужд строевой службе. Слишком много приказывалось свыше и слишком подавлялось стремление к самостоятельному творчеству. Тыловая служба была хорошо поставлена, но она поглощала множество офицеров.

Мои отношения с генералом фон Конрадом всегда оставались удовлетворительными. Личные свидания, которые мы иногда имели, оказывали благотворное действие. Порой я получал впечатление, что австро-венгерский офицер, находившийся при моем штабе для связи, докладывает не только факты, но и сплетни. На офицере связи союзной державы лежит особенно важная задача. Он может легко принести вред. Ввиду этого он должен быть исключительно твердой личностью.

Обсуждались прошлые и будущие операции. При дальнейшем отступлении австро-венгерская армия отошла не только за реку Сан, но и за реку Вислоку. Теперь свыше сорока ее дивизий были стянуты на западном берегу реки Вислоки между Карпатами и рекой Вислой. Для меня было непонятно, как армия могла там уместиться. Мне это стало ясно, когда я потом осведомился об огромных потерях пленными. Армия находилась в невероятном расстройстве. Генерал фон Конрад совершил настоящий подвиг, когда в начале октября, надеясь на германскую помощь, решился снова перейти в наступление, даже если бы до того времени австро-венгерская армия продолжала отходить под русским натиском.

9-я армия своим развертыванием уже прикрывала северное крыло австро-венгерской армии от возможного охвата; в ближайшее время она должна была выйти на одну высоту с австро-венгерской армией и примкнуть к ее наступлению. Союзные армии должны были атаковать русских там, где их встретят. 9-я армия должна была при этом зорко следить за своим левым крылом и открытым левым флангом.

С русской стороны, в широко открытой на запад излучине Вислы, находилось только несколько кавалерийских дивизий и стрелковых бригад. Последние не смогли воспрепятствовать утверждению на польской территории германских частей, охранявших границу, и движению ландверного корпуса Воирша через Польшу на Радом к Висле, а также переправе его через Вислу севернее устья реки Сана. Этот корпус подал к востоку от Вислы руку помощи австро-венгерской армии еще до ее поражения. Главная масса русских войск находилась еще восточнее реки Сана, имея небольшие части западнее ее. На верхнем Нареве и на реке Немане находились войска, разбитые в Восточной Пруссии. Сибирские армейские корпуса еще не при-

---

⁹ Я не могу себе представить, что генерал фон Конрад признает за истину изложенное в книге Новака «Путь к катастрофе». – *Примеч. авт.*

были полностью на западную русскую границу, часть их еще была в пути. Они были особенно хороши и доставили нам много хлопот.

Для нас было глубоким разочарованием, что дипломатии не удалось удержать Японию от вступления в число наших врагов: это было последствием той несчастной политики, которая заставила нас после Симоносэцкого мира 1895 года таскать каштаны из огня для России и препятствовать Японии вступить во владение Порт-Артуром. Россия нас за это никогда не благодарила, а в Японии нам это бесконечно повредило. Япония действительно никак не могла понять, какой интерес для нас в ее ослаблении. Ультиматум, который в августе 1914 года нам поставило японское правительство, дословно оправдывается нашим ультиматумом 1895 года. Тогда мы говорили о возвращении Порт-Артура, а теперь Япония говорила о возвращении Киао-Чао. Японцы сумели отплатить.

Для дальнейшего развития операции было бы особенно важно, чтобы русские армии, несмотря на все трудности движения, последовали за австро-венгерской армией. Пространство к югу от участка Вислы между Сандомиром и Краковом было для русских сил слишком тесно. О наступлении в глубь Венгрии русские еще не могли думать, так как при этом они подвергались бы опасности потерпеть поражение к северу от Карпат. Можно было с уверенностью рассчитывать, что русские также будут наступать по левому берегу Вислы. Но в каком масштабе разовьется это наступление, находилось главным образом в зависимости от того, осведомлены ли русские о новой группировке германских сил и как они оценивали свое поражение и Восточной Пруссии.

В действительности русские вяло продолжали преследование за Сан и обложение Перемышля. В первую очередь подкрепления направлялись русскими к войскам, стоявшим на Немане. Но как только русские вполне раскрыли германское наступление, они направили все свои силы, в том числе и вновь прибывшие сибирские корпуса, чтобы организовать сильное и задуманное по широкому плану наступление через Вислу на участке от Варшавы до устья Сана. Во время совещания в Ней-Сандеце операции находились еще в первоначальной стадии. Ввиду этого мы должны были наметить нашу операцию, учитывая наступление русских через Сан и частью по левому берегу верхнего течения Вислы. Чтобы быть готовыми встретить это наступление русских сил по левому берегу Вислы и принимая во внимание всегда возможное фланкирование со стороны Варшавы, явилось желательным перевести на левый берег Вислы часть тесно столпившихся австро-венгерских армий, а также наш ландверный корпус. Южнее Вислы австро-венгерская армия оставалась еще достаточно сильной, чтобы самостоятельно справиться со всеми задачами, которые могли на нее выпасть.

Наши транспорты и обозы в общем состояли из слишком тяжелых для польского театра войны повозок. Притом они были недостаточно многочисленны. Ввиду этого я попросил генерала фон Конрада снабдить нас легкими транспортами, каковые мы и получили в требуемом количестве. Они состояли из очень легких повозок, запряженных маленькими, неприхотливыми лошадьми с возчиками-крестьянами. К ним скоро привилось название «панских транспортов». Панские лошади и панские телеги-повозки имели значение и на западе. Это название произошло оттого, что возчики называли друг друга панами, т. е. «господами», и так же называли их и солдаты.

Совещание в Ней-Сандеце по военным вопросам закончилось к обоюдному удовлетворению в полном согласии. Командование не было объединено, генерал фон Гинденбург и я стояли за то, чтобы остаться самостоятельными.

При обсуждении разграничения намеченных этапных районов должны были произойти некоторые трения. Венгрия всегда отстаивала свои интересы в таком объеме, который отнюдь не находился в соответствии с заслугами австро-венгерского оружия. Со своей точки зрения она была права, и, к сожалению, Берлин никогда не противоречил. В Берлине опасались сепаратного мира Австро-Венгрии с Антантой, я же его считал фактически невозможным. В сен-

тябре 1914 года удалось все же произвести разграничение этапных районов согласно с германскими интересами и какого-либо разногласия с австро-венгерским высшим командованием не произошло.

II

27 сентября 9-я армия была готова к операции. Штаб армии находился в Бейтене. Расположение было следующее:

XI армейский корпус находился непосредственно к северо-востоку от Кракова,

Гвардейский резервный корпус XX армейский корпус XVII армейский корпус 35-я резервная дивизия 8-я кавалерийская дивизия	между Катовицами и Крейцбургом,
---	------------------------------------

Ландверная дивизия графа фон Бредова – между Кемпеном и Калишем.

Последние три дивизии были соединены в течение операции под командованием генерала фон Фроммеля. Ландштурмные части, находившиеся на пограничной охране, были соединены в бригады; им была придана артиллерия из крепостей, и они получили возможность разрешать простейшие боевые задачи.

К востоку от Вислы ближайшие значительные части германской 8-й армии находились у Млавы. Ландверная дивизия фон дер Гольца бомбардировала Осовец. Остальные части 8-й армии продвинулись до Немана на участке между Гродно и Ковно с целью внушить опасение, что на этом направлении намечается дальнейшее наступление германцев.

29 сентября Ренненкамппф, который был значительно усилен, перешел в наступление и в течение ближайших недель потеснил 8-ю армию к границе, а у Лыка и за нее.

8-я армия была подчинена генералу Гинденбургу. Но у нас было много своего дела, и к тому же связь была настолько плоха и далее все ухудшалась, что мы не могли оказать никакого влияния на действия нашей старой армии. Это стало возможным лишь когда в ноябре месяце был назначен отдельный командующий 9-й армией и генерал фон Гинденбург был освобожден от непосредственного командования ею. На предстоящую операцию 9-й армии события в 8-й не оказали влияния.

На нашем правом крыле положение наших союзников значительно улучшилось. Русские уже лишь весьма сдержанно продолжали преследование за реку Вислоку. Австро-венгерская армия смогла перевести дух и в первых числах сентября перешла в наступление. Для движения севернее верхнего течения Вислы были предназначены: 1-я армия генерала фон Данкля и ландверный корпус. Они еще находились южнее Вислы, между рекой Дунайцем и Краковом, и в любой момент были готовы примкнуть к наступлению 9-й армии.

О ландверном корпусе нужно сказать несколько слов особо. Он состоял из одной дивизии познанского и из одной дивизии силезского ландвера. Первоначально они предназначались преимущественно для охраны границы. Но, как это всегда бывает, когда начинается бой, к нему привлекают войска, где бы они ни находились. Так и ландверный корпус в августе был двинут в наступление в Польшу и за Вислу. При этом оказалось необходимым много импровизировать в организации дивизий. За Вислой ландверный корпус участвовал в тяжелых боях австро-венгерской армии южнее Люблина. Затем он вместе с нею отступил через район реки Танева – бездорожную болотистую и лесистую полосу восточнее нижнего течения реки Сана.

Уже в августе ландверный корпус находился в подчинении генералу фон Гинденбургу. Но мы не могли давать каких-либо указаний и должны были предоставить командиру корпуса

полную свободу решений. Для нас это было нетрудно, так как мы знали превосходного вождя этого корпуса, генерала фон Воирша, и заслуженного начальника его штаба полковника Гейэ.

Незадолго до моего отъезда из Инстербурга прибыл шофер с бумагами и доложил, что он привез спасенные документы ландверного корпуса. Корпус уничтожен, и генерал фон Воирш и его начальник штаба убиты. Прошло много дней, прежде чем мы смогли выяснить действительность и установить ложность слуха.

Корпусу удалось пробиться. Мы немедленно из Бреславля установили с ним связь и позаботились, насколько это было возможно, о его пополнении и снабжении заново. По его просьбе он получил и тяжелую артиллерию¹⁰. Мы смогли ему дать только один ландверный батальон, вооруженный старыми полевыми гаубицами. Они были слишком тяжелы для плохих дорог. Но тяжелая артиллерия так высоко ценится, что все сопряженные с ее передвижением затруднения были преодолены. Подвижности артиллерии иногда придают слишком большое значение в ущерб ее могуществу.

Подвигами ландверного корпуса может гордиться весь его состав. Одновременно они служат доказательством высоких качеств нашей армии, правильности нашего военного устройства, а также высокой целесообразности обучения и воспитания наших солдат до войны. Последнее дало нам возможность вести войну на востоке, пользуясь все в большем размере ландверными и ландштурменными формированиями.

---

¹⁰ Людендорф забывает упомянуть, что у Воирша было уже 16 тяжелых гаубиц, но он их потерял в галицийской битве. – *Примеч. ред.*

III

Наступление севернее Вислы началось 28 сентября.

1-я австро-венгерская армия сделала захождение к нижнему течению реки Ниды и двинулась на линию Сандомир – Опатов.

Отдельные части 9-й армии получили следующие направления для наступления:

Ландверный корпус – через Прошовиц – Пинчов на Опатов,

XI армейский корпус – через Андреев и Лагов туда же,

Гвардейский резервный корпус – через Хенцины и Кельцы на Островец,

XX армейский корпус – через Влощову и Бзин на Илжу,

XVII армейский корпус – через Ново-Радомск и Конск на Радом,

8-я кавалерийская и 35-я резервная дивизии – через Ченстохов и Петроков на Томашев,

Ландверная дивизия графа фон Бредова – в общем направлении на железнодорожный узел Колюшки, восточнее Лодзи.

О противнике не поступало никаких новых сведений. Первое время он не оказывал никакого сопротивления и отходил по мере нашего наступления.

Штаб армии перешел в Вольбром, а затем в Мехов и Андреев. Вольбром – это только одна фабрика; оба других города носили обычный отпечаток маленьких грязных польских городков. Клопы были поставлены в порядок дня. В Мехове мы выдвинулись сильно вперед; поблизости бродили казачьи разъезды. Генералу фон Воиршу, который явился к генералу фон Гинденбургу, пришлось сделать объезд, чтобы избежать их.

В Кельцах мы вновь получили приличное помещение с удобными комнатами для занятий, что сильно облегчило работу.

При наступлении от войск требовалось большое напряжение. Дороги были не шоссированы, погода скверная. Несмотря на это, чтобы застигнуть противника прежде, чем он закончит переправу через Вислу, или даже чтобы не допустить его до переправы, от войск требовались переходы в 30 километров и более.

Все отчетливее кристаллизовалась оперативная мысль: австро-венгерская армия должна искать решение южнее Вислы, освободить Перемышль и переправиться через Сан; части, расположенные севернее Вислы, должны разрешить задачу скорее оборонительного характера. Последнее было бы возможно, если бы противника удалось настигнуть еще на Висле; если же он успел бы развернуть крупные силы к западу от Вислы, что было для него всегда возможно, то мы оказались бы слишком слабы, чтобы успешно ему сопротивляться. После соглашения в Ней-Сандеце картина начала вырисовываться не так, как предполагалось. Все менялось и по существу, и в деталях. Поэтому этот поход и принадлежит к числу наиболее изобилующих превратностями. Ему принадлежит одно из первых мест в летописях военной истории.

Штабу армии каждый день приходилось принимать трудные решения. Некоторым начальникам приходилось действовать по своей инициативе. Это был смелый прыжок в неизвестность, энергичная борьба и предусмотрительный отход. Слабые силы армии растянулись на большом пространстве. Несмотря на все, господствовала только одна ясная, объединяющая все к одной цели воля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.